

ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Очеркъ военныхъ дѣйствій въ Богеміи до занятія пруссаками Гичина. — Пріѣздъ прусскаго короля къ арміи. — Краткая характеристика прусскихъ боевальныхъ войскъ. — Расположеніе обѣихъ сторонъ передъ кониггрецкимъ сраженіемъ. — Кониггрецкое сраженіе: позиція австрійцевъ; атака 1-й арміи; появленіе на полѣ сраженія наследнаго принца прусскаго; отступленіе австрійцевъ; потери обѣихъ сторонъ. — Общій выводъ о дѣйствіяхъ австрійскаго главнокомандующаго. — Положеніе Австріи послѣ кониггрецкаго сраженія; неудачная попытка ея заключить перемиріе. — Занятіе пруссаками Праги и всей Богеміи; движеніе прусскихъ войскъ въ Моравію. — Дѣло при Тобитшау. — Флорисдорескій лагерь; сосредоточеніе прусскихъ армій. — Движеніе 1-й прусской арміи въ Венгрію; сраженіе у Пресбурга. — Заключеніе перемирія между Пруссіей и Австріей. — Начало переговоровъ о мирѣ. — Обзоръ военныхъ дѣйствій въ Италіи. — Положеніе итальянцевъ послѣ сраженія при Кустоцѣ. — Вступленіе Чальдини въ Венеціанскую область; дѣйствія волонтеровъ. — Морское сраженіе при Лиссъ. — Перемиріе между Австріей и Италіей. — Обзоръ военныхъ дѣйствій въ долинѣ Майна; силы обѣихъ сторонъ; сраженія при Дербахѣ, Киссингенѣ, Ашаенбургѣ; занятіе пруссаками Франкфурта. — Дальнѣйшія дѣйствія пруссаковъ противъ южно-германскихъ государствъ. — Заключеніе съ ними перемирія. — Нѣсколько выводовъ о дѣйствіяхъ обѣихъ воевавшихъ сторонъ.

Много событій совершилось въ центральной Европѣ съ того времени, какъ мы закончили послѣднее наше „Обозрѣніе“, событій первостепенной важности, которыя совершенно измѣняютъ политическое положеніе центральной Европы, придадутъ ей значеніе, какимъ она никогда не пользовалась. Событія эти, представляя великое значеніе политическое, имѣютъ не менѣ значительный и военный интересъ: они являютъ намъ краткую, но энергически и искусно веденную кампанію, въ теченіе которой съ одной стороны употреблено было все для обезпеченія успѣха, съ другой же встрѣчаются лишь постоянныя ошибки, истекавшія изъ рутиннаго, несоотвѣтствующаго настоящему времени образа веденія войны. Результатомъ кампаніи было то, что въ самое короткое время, въ какихъ-нибудь пять недѣль, Австрія, одна изъ первенствующихъ державъ Европы, должна

была придти къ сознанию, что не въ состояніи бороться съ своими противниками, и согласиться на тѣ мирныя условія, которыя были ей предложены. Но обратимся къ самому ходу событій и постараемся изложить ихъ съ возможно-большою полнотою, на сколько то возможно по имѣющимся свѣдѣніямъ.

Какъ мы сообщили уже въ послѣднемъ „Обозрѣніи“, война въ Германіи разсѣла охватила громадные пространства. Въ Богемію съ двухъ сторонъ вторгнулись двѣ сильныя прусскія арміи, и въ то же время постоянныя столкновения происходили между пруссаками и австрійцами по границамъ Силезіи съ Моравіею и Галиціею. Къ западу отъ этого театра военныхъ дѣйствій, на среднемъ и нижнемъ Майнѣ сосредоточивались войска баварскія и вообще южно-германскихъ государствъ, готовясь открыть военныя дѣйствія съ этой стороны противъ Пруссіи, занявшей своими силами владѣнія ганноверскія и гессенъ-кассельскія. Наконецъ, въ Италіи военныя дѣйствія также открылись, хотя первыя наступательныя операціи итальянцевъ кончились для нихъ весьма неблагоприятно сраженіемъ при Кустоцѣ.

Такимъ образомъ, съ самаго начала войны ясно обрисовались три особые театра военныхъ дѣйствій, изъ которыхъ на каждомъ велись почти самостоятельныя операціи, неизмѣнно между собою особенной связи, хотя и вліявшія, какъ увидимъ, другъ на друга по своимъ результатамъ. Это и даетъ намъ возможность разсматривать отдѣльно дѣйствія, происходившія въ каждой части обширнаго театра войны, указывая лишь на тѣ отношенія, которыя повременамъ проявлялись между ними. Разсмотрѣніе наше начнемъ, конечно, съ наиболѣе важнаго театра военныхъ дѣйствій, гдѣ съ обѣихъ сторонъ были сосредоточены самыя значительныя силы и гдѣ были приобретены важнѣйшіе результаты, а именно съ Богеміи.

Мы уже видѣли, что для охраненія сѣверо-западныхъ предѣловъ Австріи была сформирована весьма сильная сѣверная армія подъ начальствомъ генерала Бенедека. Можно сказать съ увѣренностію, что рѣдко случалось видѣть во главѣ австрійскихъ армій главнокомандующаго, на котораго были бы возлагемы большія надежды и который пользовался бы большими полномочіями, какъ генералъ Бенедекъ. Общественное мнѣніе цѣлой имперіи указывало на него какъ на единственнаго, наиболѣе способнаго главнокомандующаго, который неминуемо

прославить австрійское оружіе, уничтожить армию пруссаковъ и предпичеть Пруссіи миръ въ самой столицѣ ея. Въ особенностяхъ и военныхъ дарованіяхъ генерала Бенедекъ сомнѣвался только аристократическая партія, которая видѣла въ немъ отчаяннаго храбреца, достигшаго высшихъ степеней въ военной іерархіи единственно своей отвагой. Но это недовѣріе приписывалось зависти аристократовъ, которые недобрѣдательствовали къ генералу Бенедеку только потому, что онъ по происхожденію не принадлежалъ къ числу немногихъ генераловъ въ Австріи, пользовавшихся полнымъ довѣріемъ солдатъ и даже расположеніемъ офицеровъ, несмотря на свою строгость и взыскательность. Нельзя не замѣтить при этомъ, что высшіе чины въ арміи не только не скрывали недовѣрія къ главнокомандующему, но даже явно выказывали свои чувства и, какъ обнаружилось впоследствии, позволяли себѣ не исполнять и перетолковывать его распоряженія. Такое непримиримое нарушеніе воинской дисциплины одно уже не могло служить задаткомъ успѣховъ во время кампаніи.

Относительно плана военныхъ дѣйствій австрійскаго главнокомандующаго нельзя сказать ничего положительнаго, такъ какъ всѣ распоряженія его были сохраняемы въ величайшемъ секретѣ. Притомъ же, если и былъ составленъ какой-нибудь планъ дѣйствій генераломъ Бенедеккомъ въ началѣ кампаніи, то нѣтъ сомнѣнія, что пруссаки своими энергическими дѣйствіями успѣли совершенно разстроить этотъ планъ и затѣмъ, захвативъ вполне инициативу военныхъ дѣйствій въ свои руки, вынуждали австрійцевъ дѣйствовать такъ или иначе, сообразно съ ихъ собственными дѣйствіями.

Величайшею ошибкою австрійцевъ въ самомъ началѣ кампаніи было то, что они не успѣли предупредить пруссаковъ въ занятіи Саксоніи. Будущіе историки войны, конечно, разрѣшатъ причины этого упущенія; теперь же можно довольствоваться пока однѣми догадками. Такъ одни говорятъ, что въ то время, когда пруссаки вступали въ Саксонію, австрійская армія не была еще вполне готова къ открытію военныхъ дѣйствій; другіе сообщаютъ, что саксонскій король самъ просилъ, чтобы австрійцы не вступали въ Саксонію, для того, чтобы избавить свою страну отъ ужасовъ войны. Наконецъ есть предположенія, что Австрія не желала, чтобы на нее пала упрѣкъ въ томъ, что она первою начала военные

дѣйствія, что она даже опасалась вооружить противъ себя нейтральныя державы, занявъ Саксонію, а хотѣла, оставаясь на легальной почвѣ, привлечь къ себѣ сочувствіе Европы и тѣмъ самымъ уронить положеніе Пруссіи. Какъ бы то ни было, но оказалось, что Пруссія взяла своею смѣлостію, и противъ занятія ея войсками Саксоніи никто не протестовалъ, кромѣ безсильнаго франкфуртскаго сейма, дни котораго были уже сочтены.

Приобрѣтя Саксонію, Пруссія стала въ чрезвычайно выгодное положеніе относительно Австріи: ея арміи грозили границамъ Австріи на обширномъ пространствѣ, охранять которое почти не было возможности. Притомъ же австрійцы, какъ кажется, не предполагали вести оборонительную войну въ Богеміи и потому вовсе не озаботились заблаговременно заградить и укрѣпить горныя проходы, ведущіе въ эту страну. Первая прусская армія принца Фридриха-Карла, вступивъ съ сѣвера въ эту страну, не встрѣтила никакого сопротивленія: вездѣ передъ нею отступали лишь легко-кавалерійскіе разѣзды. Только достигши Изера она встрѣтила болѣе значительныя отряды австрійцевъ, которые старались оказать ей сопротивленіе. Но сопротивленіе не могло быть сильнымъ, такъ какъ наиболѣе значительныя части австрійской арміи были заняты въ это время отраженіемъ вторженія въ Богемію 2-й прусской арміи, наслѣднаго принца Прусскаго, грозившей сообщеніемъ австрійцевъ.

Какъ оказывается теперь, австрійцы имѣли на сѣверѣ Богеміи, для противодѣйствія 1-й прусской арміи, только одинъ 1-й корпусъ, графа Кламъ-Галласа, и 25,000 саксонцевъ, подъ начальствомъ наслѣднаго принца Саксонскаго, всего около 65,000 человекъ. Силы эти, конечно, были недостаточны для того, чтобы остановить вторженіе прусаковъ; но, будучи благоразумно употреблены, они могли бы значительно затруднить наступленіе непріятеля. Между тѣмъ, графъ Кламъ-Галласъ чрезвычайно растянулъ свои войска, такъ что вездѣ, гдѣ ни встрѣчалъ прусаковъ, постоянно былъ слабѣе ихъ. Такимъ образомъ, подъ Турнау, на Изерѣ, 14-го (26-го) іюня прусская дивизія генерала Горна наткнулась на австрійскую бригаду Потчапеля и опрокинула ее. Вслѣдъ затѣмъ 15-го (27-го) числа армія принца Фридриха-Карла успѣла соединиться съ войсками вѣльбской арміи генерала Герварта фонъ-Биттенфельда и атако-

вала австрійцевъ, защищавшихъ переправу черезъ Изеръ у Мюнхенгреца. Здѣсь также австрійцы были вводимы въ дѣло по частямъ, и, несмотря на сильную позицію, пруссакамъ удалось выбить ихъ и овладѣть Мюнхенгрецомъ и полуразрушеннымъ мостомъ черезъ Изеръ. Немедленно пруссаки приступили къ устройству новыхъ мостовъ, а австро-саксонскія войска, защищавшія долину Изера, отступили по направленію къ Кениггрецу, на Гичинь.

Поддержать Кламъ-Галласа австрійскій главнокомандующій не могъ, такъ какъ, одновременно съ занятіемъ 1-ю прусскою арміею линіи Изера, 2-я армія вступила въ Богемію разомъ двумя колоннами: на Траутенау и черезъ Находъ на Свалицъ. Происшедшія при этомъ дѣла описаны нами, въ краткихъ чертахъ, въ прошедшемъ „Военномъ Обозрѣніи“. Припомнимъ только, что во всѣхъ дѣлахъ пруссакамъ удалось одержать верхъ надъ австрійцами и стать крѣпкою ногою въ Богеміи, на верховьяхъ Эльбы. Нельзя не замѣтить, что австрійскій главнокомандующій имѣлъ здѣсь на своей сторонѣ численное превосходство и всѣ преимущества мѣстности для того, чтобы остановить вторженіе арміи наслѣднаго принца и отбросить ее въ горы, изъ которыхъ она выходила. Но, вслѣдствіе ошибочнаго предварительнаго расположенія австрійской арміи, отчасти же, быть можетъ, и отъ неудачныхъ распоряженій, ему не удалось сдѣлать этого. Ожидая главнаго вторженія пруссаковъ въ Моравію, австрійскій главнокомандующій держалъ тамъ и большинство своей арміи; когда же ясно обнаружилось, что пруссаки производили въ Моравіи лишь однѣ демонстраціи, а съ главными силами обратились въ Богемію, тогда оказалось, что и въ этой послѣдней странѣ австрійцы имѣли слишкомъ недостаточныя силы для противодѣйствія непріятелю. Вслѣдствіе того пруссакамъ удалось своимъ 1-мъ и гвардейскимъ корпусами разбить совершенно 10-й корпусъ генерала Габленца у Траутенау 16-го (28-го) іюня, а 5-му корпусу удалось утвердиться въ Свалицѣ. Австрійцы направили было 16-го (28-го) іюня противъ 5-го прусскаго корпуса два своихъ корпуса (6-й и 8-й); но, кажется, они, будучи подчинены эрцгерцогу Леопольду, дѣйствовали не довольно энергически и искусно, а потому и не могли остановить напора прусскихъ войскъ и были отброшены къ Йозефштадту. Какъ видно, генералъ Бенедекъ остался весьма недоволенъ распоряженіями эрцгерцога

Леопольда, потому что вслѣдъ за этимъ дѣломъ уволить его, подъ предлогомъ болѣзни, отъ командованія корпусомъ; хотя, повидимому, черезъ несколько дней возвратитъ ему его мѣсто.

Разбѣвъ 10-й австрійскій корпусъ у Траутенау, прусская армія наследнаго принца заняла верхнее теченіе Эльбы и съ одной стороны, опираясь Кемпфингомъ, вступила въ связь съ 5-мъ корпусомъ, стоявшимъ подъ Йозефштадтомъ, а съ другой стороны распространилась вправо къ Аарнау и Шеннау, чтобы войти въ связь съ арміею принца Фридриха-Карла. Это послѣднее условіе было облегчено ему движеніемъ 1-й прусской арміи на Гичинъ, который и взять было приступомъ, несмотря на довольно умеренное сопротивленіе саксонцевъ и войскъ 1-го австрійскаго корпуса.

Такимъ образомъ, всѣ три прусскія арміи совершили весьма трудную операцію дебушированія изъ горныхъ долине и успѣли соединиться для нанесенія рѣшительнаго удара австрійцамъ. Арміи эти представляли громадную силу до 300,000 человекъ, при которыхъ находилось не менѣе 750 орудій. Къ 18-му (30-му) іюня корпуса прусскихъ армій имѣли слѣдующее расположеніе: въ центрѣ, впереди Гичина и въ окрестностяхъ этого города, три корпуса (2-й, 3-й и 4-й), составившіе 1-ю армію; правѣе ихъ, между Юнгъ-Бундау и Ней-Видзовицъ, австрійская армія генерала Герхарта фонъ-Витгенштейна, состоявшая изъ 8-го корпуса и одной дивизіи (14-й) 7-го корпуса. Лѣвей же отъ мѣста расположенія прусскихъ составляла 2-я армія, наследнаго принца. Корпуса ея занимали слѣдующія позиціи: гвардейскій корпусъ стоялъ въ Аарнау, отпрявъ лѣвѣе отъ Кемпфингомъ и выслалъ развѣды къ верховьямъ Вистрицы; лѣвѣе его, у Йозефштадта, былъ 5-й корпусъ, а 1-й корпусъ слѣдовалъ позади отъ Траутенау къ Аарнау. Наконецъ, 6-й корпусъ находился частію въ Богеміи, позади 5-го корпуса; частію же около Глада, откуда долженъ былъ дѣйствовать черезъ Миттельвальде въ Богемію, угрожая сообщеніемъ австрійцамъ съ Ольмюцемъ. Въ этомъ расположеніи предполагено было дать арміи нѣсколько дней отдыха, что казалось необходимымъ послѣ предшествовавшихъ непрерывныхъ движеній и частыхъ встрѣчъ съ неприятелемъ.

Въ такомъ расположеніи застава арміи и прусскій король Вильгельмъ I, прибывшій 2-го іюня (20-го іюня) въ Гичинъ и тотчасъ же принявшій главное начальство надъ со-

единственныя арміи. Весь штабъ короля и главная квартира были сформированы еще въ Берлинѣ; при нихъ, между прочимъ находились: 1) почетная стража, козвая и пѣшая (die Stabswache), состоявшая изъ 11 офицеровъ, 434 нижнихъ чиновъ и 235 лошадей; люди въ эту стражу выбраны были изъ войскъ военныхъ округовъ поровну; 2) полевые кухни и лазаретъ изъ 20 офицеровъ, 143 нижнихъ чиновъ и 99 лошадей; 3) королевская конюшня — 8 офицеровъ, 90 нижнихъ чиновъ, 184 лошади, 23 повозки; 4) 5 офицеровъ генеральнаго штаба для особыхъ порученій, особая военная канцелярія, полевое интендантство и т. под. Съ королемъ прибыла также многочисленная свита, въ которой находились некоторые изъ владѣтельныхъ особъ сѣверной Германіи, военные агенты Россіи, Франціи и Италіи, министръ-президентъ графъ Бисмаркъ, военный министръ генералъ фонъ-Роомъ и генералъ-лейтенантъ фонъ-Мольке, состоявшій въ должности начальника главнаго штаба и которому приписываютъ составленіе общаго плана настоящей прусской кампаніи. Генералъ фонъ-Мольке природный датчанинъ, но давно уже состоятъ въ прусской службѣ, въ которую вступилъ поручикомъ въ 8-й пѣхотный полкъ. Вскорѣ послѣ того онъ былъ переведенъ въ генеральный штабъ капитаномъ. Въ 1839 году, во время войны между Мехмедъ-Али, нашимъ египетскимъ, и Португою, онъ былъ посланъ военнымъ агентомъ со стороны Пруссіи при турецкой арміи и участвовалъ въ сраженіи при Ниабѣ. Это былъ единственный случай участія его въ военныхъ дѣйствіяхъ. Но, обладавъ чрезвычайно свѣтлымъ умомъ, онъ дополнилъ свое военное образованіе теоретическимъ глубиннымъ и основательнымъ изученіемъ походовъ Фридриха Великаго и Наполеона I и, какъ показала настоящая кампанія, умѣлъ предложить свои знанія къ дѣлу. Все соображенія его по своей смѣлости напоминаютъ лучшіе походы Наполеона; особенно поражаетъ искусство, съ которымъ примѣняется въ нихъ основное правило Наполеона, чтобы умѣть раздѣлять арміи во время движенія, не подвергая ихъ отдѣльному пораженію, и вовремя сосредоточивать для нанесенія рѣшительнаго удара противнику. Больше же всего заслуживаетъ вниманія та смѣлость, которою отличаются все предпріятія прусаковъ и которая очевидно была разсчитана на невѣрительность противника и на малую подвижность его армій.

Но само собою разумѣется, что недостаточно еще имѣть хорошо составленный планъ военныхъ дѣйствій: необходимо нужно и искусное его исполненіе. Въ этомъ отношеніи прусаки были вполне обеспечены военными дарованіями обоихъ принцевъ королевскаго дома, стоявшихъ во главѣ двухъ наиболѣе значительныхъ прусскихъ армій. Оба принца пользовались еще до войны большою популярностію и въ народѣ, и въ рядахъ армій, но послѣ успѣховъ и побѣдъ, одержанныхъ ими надъ австрійцами, довѣріе къ нимъ войскъ еще болѣе усилилось и перешло почти въ обожаніе. Считаемо не безынтереснымъ сообщить здѣсь главныя черты ихъ жизни.

Наслѣдный прусскій принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ родился 18-го октября 1831 года. Получивъ воспитаніе въ Боннѣ и дополнивъ его путешествіями, онъ передъ послѣднею датскою войною былъ назначенъ губернаторомъ Помераніи и командиромъ стоящаго тамъ 2-го корпуса. Въ то время, какъ говорятъ, онъ былъ явнымъ противникомъ политики графа Бисмарка и даже старался противодействовать ей, хотя и безуспѣшно. Тѣмъ не менѣе, въ 1864 году онъ участвовалъ въ датской войнѣ, состоя при главной квартирѣ фельдмаршала Врангеля. Произведенный послѣ этой войны въ генералы-отъ-инфантеріи, принцъ назначенъ былъ губернаторомъ Силезіи, а потомъ и главнокомандующимъ 2-ю арміею (силезскою). Особенное вниманіе принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ обращаетъ на себя своею распорядительностію, хладнокровіемъ въ дѣлѣ и чрезвычайною заботливостію о нуждахъ солдатъ и о прирѣвніи раненыхъ на полѣ сраженія. Этими своими качествами онъ еще болѣе привлекаетъ къ себѣ сердца окружающихъ и подчиненныхъ.

Принцъ Фридрихъ-Карлъ родился 20-го марта 1828 года. Онъ родной племянникъ нынѣ царствующаго короля. Будучи двадцати лѣтъ, принцъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, состоя въ чинѣ капитана при генералѣ Врангелѣ въ первую датскую войну (1848 года); въ сраженіи подъ Шлезвигомъ онъ, во главѣ 2-го пѣхотнаго полка, повелъ на правый флангъ датчанъ атаку, рѣшившую участь сраженія. Въ 1849 году принцъ Фридрихъ-Карлъ состоялъ въ штабѣ нынѣшняго короля, бывшаго въ то время еще наслѣднымъ принцемъ и командовавшего прусскими войсками въ Баденѣ; въ эту же кампанію онъ неоднократно отличался своими смѣ-

лыми атаками и былъ раненъ. Въ 1861 году онъ произведенъ въ полные генералы и назначенъ командиромъ 3-го армейскаго корпуса, а въ 1864 году получилъ начальство надъ прусскими войсками, посланными противъ Даніи. Здѣсь, скрывъ канонадою у Миссунды истинныя свои намѣренія, принцъ Фридрихъ-Карлъ совершилъ удачную переправу у Арниса и своимъ движеніемъ вынудилъ датчанъ покинуть даневеркскую позицію. Наконецъ, принявъ главное начальство надъ всѣми войсками, дѣйствовавшими противъ датчанъ, онъ непосредственно руководилъ осадными работами противъ Дюпелъна и, овладѣвъ какъ этой позиціей, такъ и островомъ Альзеномъ, принудилъ датчанъ къ миру. Такова боевая карьера принца Фридриха-Карла. Быть можетъ еще важнѣе заслуги принца относительно обученія самой прусской арміи: благодаря ему, обученіе пѣхоты и особенно кавалеріи приняло болѣе практическое направленіе и въ значительной степени освободилось отъ господствовавшей рутины. Отъ природы необыкновенно смѣлый и отважный, принцъ сумѣлъ проникнуть отвагой и свои войска, которыя подъ его командою готовы, что называется, идти въ огонь и въ воду. Надо замѣтить еще, что принцъ Фридрихъ-Карлъ и литературными своими произведеніями не мало содѣйствовалъ распространенію въ арміи вѣрныхъ и правильныхъ понятій о военномъ дѣлѣ, особенно о тактической его части.

Съ такими военачальниками, внушавшими полнѣйшее довѣріе войскамъ, прусаки смѣло могли идти впередъ и исполнять самыя отважныя операціи, притомъ въ виду такихъ противниковъ, какъ австрійцы и южно-германскіе ихъ союзники. Но вернемся къ изложенію событій.

Какъ сказано уже, 2-го іюля король принялъ главное начальство надъ прусскими арміями, соединенными въ Богеміи, и тотчасъ же дано было знать о томъ во всѣ части войскъ. При этомъ было постановлено, что прежнія отношенія корпусныхъ командировъ къ штабамъ армій остаются неизмѣнными, и только командующіе арміями непосредственно сносятся съ главнымъ штабомъ и отъ него получаютъ приказанія. При такомъ порядкѣ сношеній между главнымъ штабомъ и войсками, можно было ожидать, что будутъ происходить замедленія въ передачѣ приказаній; но опасеніе это уничтожилось прекраснымъ устройствомъ военно-походныхъ телеграфовъ въ прусской ар-

ми, дающаеъ возможность всѣ приказанія передавать по телеграфу. При остановкѣ каждой корпусной квартиры, она тотчасъ же связывается телеграфическою проволокою съ ближайшими корпусами и со штабомъ своей арміи; послѣдніе находятся въ постоянной связи съ Берлиномъ или съ главною квартирою короля. Въ этомъ отношеніи нельзя не удивляться, что австрійцы, для которыхъ устройство походнаго телеграфа было бы еще болѣе возможно при ихъ оборонительномъ положеніи, чѣмъ для прусаковъ, вовсе не употребляли его, а передавали всѣ распоряженія съ особо посылаемыми курьерами.

Между тѣмъ какъ прусская армія собиралась отдыхать въ занятомъ ею между Изеромъ и Эльбою расположеніи, австрійскій главнокомандующій, не успѣвъ воспрепятствовать соединенію прусскихъ армій, рѣшился сосредоточить всѣ свои силы для того, чтобы дать рѣшительный отпоръ прусакамъ и, въ случаѣ удачи, отбѣснить ихъ изъ Богеміи. Съ этою цѣлію онъ первоначально, когда Гичинъ былъ еще во власти австрійцевъ, намѣревался избрать позицію фронтомъ къ Горлицу и упрямъ правымъ флангомъ въ Йозефштадтъ. Генераль Бенедекъ, какъ видно, предполагалъ, что первая прусская армія примкнетъ ко второй и атакуетъ его со стороны Кениггингофа и Милетина. Но такое положеніе прусской арміи было бы для нея чрезвычайно опасно, потому что, въ случаѣ неудачи, она прямо была бы отброшена на Глацкія горы и даже могла бы подвергнуться здѣсь истребленію. На чемъ основывалъ австрійскій главнокомандующій свое соображеніе, трудно сказать, но извѣстно изъ писемъ корреспондента газеты „Times“ при австрійской арміи, что только послѣ занятія прусаками Гичина Бенедекъ убѣдился, что у этого пункта находятся главные силы прусаковъ. Тогда-то всей арміи приказано было передвинуться влѣво и занять позицію на рѣкѣ Быстрицѣ, у деревни Садовой, по обѣ стороны дороги, ведущей отъ Гичина къ Кенигстрецу. При передвиженіи, нѣкоторыя части арміи столкнулись съ отступавшими отъ Гичина остатками корпуса Клямъ-Галласа и саксонскими войсками; произошло весьма сильный беспорядокъ, который, если не преувеличенныя показанія вышеупомянутаго корреспондента, лучше всего свидѣтельствуетъ, какъ силенъ уже въ то время былъ упадокъ духа въ австрійскихъ войскахъ. Отступавшія войска Клямъ-Галласа распространили слухъ, что прусаки слѣдуютъ за ними вбѣ-

судно и не успеваетъ сейчасъ вытисол. На Бьду одна австрийская колонна наткнулась на отрядъ саксонцевъ, на которыхъ были голубые мундиры и которые были приняты за пруссаковъ, пытающихся оторвать австрийцевъ отъ Кенитсгреца; говорятъ, будто бы саксонцы даже стрѣляли по нимъ. Можно себя представить, какую суматоху все это произвело въ войскахъ, которые только и помышляли уже о томъ, какъ бы скорѣе спастись въ крѣпость.

Эпизодъ этотъ характеристиченъ отчасти потому, что онъ происходилъ за два дня до генеральнаго сраженія подъ Кенитсгрецомъ, и свидѣтельствуетъ, какими чувствами была возбуждена австрийская армія, готовясь къ генеральному сраженію. Одинъ слухъ о возможности приближенія пруссаковъ внушаетъ страхъ австрийскимъ войскамъ, распространяетъ между ними панику.... Можно ли было ожидать послѣ этого, что такіа война вылажутъ серьезное сопротивление пруссакамъ и устоятъ противъ нихъ?

Позиція, избранная генераломъ Бенедеккомъ, какъ мы сказали, была прикрыта съ фронта болотистою рѣчкою Быстрицею и пересѣкала въ перпендикулярномъ направленіи дорогу, ведущую изъ Гичина въ Кенитсгрецъ. На самомъ пересѣченіи этой рѣчки съ дорогою находится селеніе Садовая, центральный пунктъ избранной позиціи. Надо замѣтить, что Быстрица течетъ почти параллельно Эльбѣ, въ разстояніи отъ нея почти десяти верстъ. Въ разстояніи отъ Садовой около трехъ верстъ по Быстрицѣ находилась деревня Бенатекъ, составлявшая правый флангъ расположенія австрийцевъ. Ниже Садовой по рѣчкѣ лежали деревни сперва Дахолицъ, съ большою каменною фабрикою, очень удобная для обороны, и еще далѣе Мокровесъ; между этими двумя деревнями на берегу, занятомъ австрийцами, былъ старинный замокъ Дохоличекъ. Наконецъ еще ниже Мокровеси, въ разстояніи около семи или восьми верстъ отъ Садовой, лежитъ небольшой городокъ Неханецъ, составлявший крайній лѣвый флангъ расположенія австрийцевъ. Но всѣ деревни на Быстрицѣ составляли лишь какъ бы передовые пункты австрийской позиціи. Начиная отъ Быстрицы мѣстность постепенно подымается на австрийскомъ, лѣвомъ, берегу, образуетъ гребень высотъ, подымающійся надъ рѣчкою, и (за тѣмъ) уже болѣе пологими скатами спускается въ противоположную сторону по направленію къ Эльбѣ. Самый

гребень высотъ и составлялъ собственно главную линію австрійской позиціи; высшія точки его находились на правомъ флангѣ позиціи у селенія Липпы, колокольня котораго возвышалась надъ всей окружающею мѣстностію. Влѣво отъ липской высоты, въ тылу позиціи, почти за ея центромъ, возвышалась другая значительная высота, занятая деревнею Хлумъ, возлѣ которой стоялъ отдѣльный старинный замокъ. Липскія и хлумскія высоты составляли наиболѣе возвышенные и крѣпкіе пункты позиціи, которые, по всей справедливости, можно назвать тактическимъ ея ключемъ. Наконецъ, по скатамъ, обращеннымъ къ Быстрицѣ, по обѣ стороны дороги, ведущей черезъ Садовую, находились довольно значительные участки лѣса, которые могли представить всѣ удобства для упорной обороны. Изъ этого описанія позиціи можно видѣть, что позиція, избранная австрійскимъ главнокомандующимъ, была очень сильна съ фронта, но имѣла весьма существенные недостатки, заключавшіеся въ томъ, что фронтъ ея былъ чрезвычайно растянутъ, и къ тому же оба фланга были слишкомъ открыты. Правый флангъ былъ еще силенъ липскими высотами, которыя трудно доступны здѣсь, и притомъ были усыяны батареями. Но неприятелю чрезвычайно легко было обойти какъ правый, такъ и лѣвый фланги, и тогда онъ получалъ возможность дѣйствовать въ тылъ позиціи, угрожая сообщеніямъ съ Кенигсгрецомъ. Подобныя дѣйствія тѣмъ болѣе могли быть опасны, что, имѣя всего въ десяти верстахъ назади позиціи довольно значительную рѣку (Эльба у Кенигсгреца имѣетъ до 20 сажень ширины), австрійцы всегда должны были опасаться, что при отступленіи, въ случаѣ неудачи, ихъ притиснутъ къ этой рѣкѣ и тѣмъ поставятъ въ отчаянное положеніе. Впрочемъ, для обезпеченія свободной переправы черезъ Эльбу, австрійцы заблаговременно заготовили около Кенигсгреца восемь военныхъ мостовъ.

Для занятія этой позиціи Бенедекъ успѣлъ сосредоточить всю свою армію, то есть всѣ семь корпусовъ и резервную кавалерію и артилерію. Но войска уже были утомлены предшествовавшими передвиженіями; нѣкоторые корпуса сильно уже пострадали въ бывшихъ до того дѣлахъ, особенно 1-й, 8-й и 10-й корпуса: въ послѣднихъ двухъ убыль была столь значительна, что изъ нихъ составленъ былъ одинъ корпусъ, подъ начальствомъ генерала Габленца. Общее расположеніе корпу-

совѣ на позиціи было таково, что въ центрѣ оборона Садовой и прилежащаго лѣса была возложена на 4-й корпусъ, графа Фестетича; правѣе его, 3-й корпусъ, эрцгерцога Эрнеста, занималъ липскія высоты и селеніе Венатекъ; въ видѣ частнаго резерва, на правомъ флангѣ позади 3-го корпуса, находился 2-й корпусъ, графа Туна. Такимъ образомъ, центръ и правое крыло были заняты свѣжими, небывшими еще въ дѣлѣ войсками. Затѣмъ лѣвый флангъ отъ Дохолица до Мокровеси занимали войска 8-го и 10-го корпусовъ, соединенныя подъ начальствомъ генерала Габленца, а самую оконечность лѣваго фланга, у Неханица, охраняли саксонцы, подъ начальствомъ наследнаго саксонскаго принца Вильгельма. Въ резервъ за центромъ стояли: 1-й корпусъ, графа Клямъ-Галласа, и 6-й, генерала Рамминга, а позади ихъ резервная артилерія и масса резервной кавалеріи, состоявшая изъ двухъ тяжелыхъ кавалерійскихъ дивизій принца Голштинскаго и князя Таксиса и трехъ легко-кавалерійскихъ дивизій генераловъ Эдельсгейма, Зайчека и графа Куденгова.

Принимая во вниманіе потери, понесенныя австрійцами въ предшествовавшіе дни, а также и то, что они должны были оставить часть войскъ на лѣвомъ берегу Эльбы, у Йозефштадта, и въ Моравіи (отъ 2-го и 3-го корпусовъ), можно приблизительно полагать, что на позиціи у Кенигсгреца у нихъ не могло быть болѣе 200,000 человекъ, да врядъ-ли даже имѣлось и это число; притомъ же, какъ мы замѣтили, большая часть войскъ была утомлена въ предшествовавшіе дни и физически, и нравственно. Число орудій на австрійской позиціи можно считать до 500.

2-го іюля (20-го іюня), въ одиннадцать часовъ вечера, въ главную квартиру прусской арміи дошло извѣстіе, что непріятельская армія, въ значительныхъ силахъ, сосредоточивается на рѣкѣ Быстрицѣ, почему и положено было тотчасъ напасть на нее всѣми силами, съ тѣмъ, чтобы не дать ей возможности оправиться послѣ нанесенныхъ ей уже ударовъ и не дозволить ей усилиться подрѣзками и искусственными сооруженіями. При этомъ прусскій король, конечно, могъ разсчитывать, что хотя войска его и были утомлены предшествовавшими дѣйствіями, но что присутствіе его на полѣ битвы не замедлитъ оказать свое дѣйствіе, воодушевивъ прусаковъ на новые подвиги. Вслѣдствіе такихъ соображеній, въ полночь же были разсланы войскамъ

приказаній, которыя были получены начальниками отдельных корпусовъ 3-го июля, въ четыре часа утра, а въ семь часовъ утра всѣ войска начали уже наступательное движеніе согласно съ предположеніемъ.

Нельзя не обратить вниманія на эту быстроту рѣшимости и на скорость приведенія въ исполненіе предположеннаго плана на австрійцевъ. Прусскіе корпуса отстояли отъ главной квартиры на 10 и на 15 верстъ; передача приказаній производилась ночью; выступленіе для войскъ было совершенно неожиданностію, когда они предполагали отдохнуть въ какомъ-либо занятыхъ ими позиціяхъ, и, при всемъ этомъ, въ распоряженіяхъ не было замѣтно никакой сбивчивости, въ направленіи и слѣдованіи войскъ не произошло никакого замѣнительства и всѣ части точно прибыли на назначенныя имъ мѣста. Надобно сознаться, что всѣ распоряженія въ кеннотегрещномъ сраженіи дѣлають величайшую честь прусскому генеральному штабу.

Для производства главной атаки на центръ позиціи австрійцевъ предназначалась вся 1-я армія принца Фридриха-Карла, а именно: 7-я дивизія, генерала Франсецаго, двинута была отъ Черквица къ Бенатену, а 8-я дивизія, Горна, по шоссе для атаки Садовой и близлежащаго лѣса. Правѣ дивизіи Горна, противъ Дохолица долженъ былъ дѣйствовать 2-й корпусъ (3-я и 4-я дивизіи); въ резервъ же оставленъ весь 3-й корпусъ (5-я и 6-я дивизіи). Для дѣйствій противъ праваго фланга австрійцевъ предназначались корпуса 2-й арміи, именно: гвардейскій, 1-й, 5-й и часть 6-го; они должны были отъ Кенигингофа и Милетина слѣдовать между Быстрицею и Эльбою, атаковать шпильскія высоты и войти въ связь съ 7-ю дивизіею. По расчету времени, войска наследнаго принца не могли прибыть на поле сраженія ранѣе двѣнадцати часовъ дня.

Наконецъ, для атаки лѣваго фланга австрійцевъ предназначались войска эльбской арміи генерала Герварта (14-я, 15-я и 16-я дивизіи), которыя должны были направиться на Неханицъ и стараться обойти съ этой стороны позицію австрійцевъ.

По приблизительному расчету, пруссакимъ имѣли возможность собрать на полѣ сраженія не менѣе 250,000 человѣкъ, лучшей частью съ 700 орудіями. Такимъ образомъ, и численный перевѣсъ въ предстоящемъ сраженіи оказывался на сторонѣ пруссаковъ.

Въ семь часовъ утра 3-го июля, 1-я армія начала сраженіе:

принцъ Фридрихъ-Карлъ двинулъ по покатости къ Быстрицѣ конную артилерію, подъ прикрытіемъ уланъ, и австрійцы встрѣтили ихъ артилерійскимъ огнемъ. Подъ выстрѣлами конная артилерія развернулась, расположилась вдоль по берегу рѣчки и стала отвѣчать австрійцамъ. Въ три-четверти восьмага пріѣхалъ на поле битвы прусскій король, къ конной артилеріи было присоединено еще нѣсколько полевыхъ пѣшихъ батарей, огонь усилился, и канонада закипѣла по всей линіи отъ Мокровеси до Бенатека. Пруссаки постоянно усиливали число своихъ батарей; австрійцы также учащали огонь и дѣйствовали тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что впереди лежащая мѣстность была имъ хорошо извѣстна и они могли направлять свои выстрѣлы съ большою точностію. Во время этой канонады пруссаки понесли весьма значительныя потери, но огонь съ прусской стороны не ослабѣвалъ, а напротивъ усиливался, и, наконецъ, около десяти часовъ австрійскія батареи между Дохалицомъ и Мокровесью принуждены были отступить отъ берега къ вершинамъ высотъ.

Пока продолжалась пальба, часть прусской пѣхоты спустилась къ рѣкѣ, пользуясь волнистою мѣстностію, въ безопасности отъ выстрѣловъ. 8-я дивизія спустилась влѣво отъ дороги и, подъ прикрытіемъ небольшой возвышенности, перестроилась въ колонны къ атакѣ для наступленія на Садовую; 3-я и 4-я дивизіи шли вправо отъ дороги, приготовляясь переправиться противъ Дохалица и Мокровеси. Прежде чѣмъ онѣ успѣли перестроиться въ надлежащій порядокъ, загорѣлось селеніе Бенатека на правомъ флангѣ австрійцевъ, и 7-я дивизія бросилась туда, въ надеждѣ овладѣть имъ. Но огонь не выгналъ австрійцевъ, и здѣсь-то, въ первый разъ въ этотъ день, пруссаки сошлись съ непріателемъ въ рукопашномъ бою. 27-й полкъ шелъ во главѣ атаки и быстро занялъ сады и огороды; горящія строенія раздѣляли противниковъ; они стали стрѣлять другъ въ друга черезъ огонь; залпъ слѣдовалъ за залпомъ. Пруссакамъ удалось обогнуть горящія строенія и зайти въ тылъ австрійцамъ, вслѣдствіе чего послѣдніе принуждены были отступить, съ потерю многихъ плѣнныхъ. Это былъ первый успѣхъ пруссаковъ въ этотъ день.

Въ десять часовъ принцъ Фридрихъ-Карлъ приказалъ войскамъ атаковать одновременно Садовую, Дохалицъ и Мокровесь. Подъ прикрытіемъ цѣпи засѣрѣльчиковъ колонны двину-

лись впередъ и безъ большой потери достигли берега рѣки; но здѣсь пришлось имъ подвигаться шагъ за шагомъ, выбивая австрійцевъ постепенно изъ занятыхъ ими домовъ, садовъ, перелѣсковъ. Положеніе прусаковъ было крайне тяжелое: они подвергались сильному огню непріятели, который былъ укрытъ за домами, деревьями и т. под. Тѣмъ не менѣе, они съ удивительною настойчивостію подвигались, хотя и медленно, впередъ, устлая путь свой убитыми и ранеными. Прусская артилерія обратила теперь весь свой огонь на атакованныя селенія, вслѣдствіе чего Мокровесь и Догальница загорѣлись.

Бой въ селеніяхъ и около нихъ продолжался около часу. Наконецъ, занимавшая ихъ австрійская пѣхота, вытѣсненная натискомъ прусаковъ, отступила къ вершинѣ отлогости въ одну линію со своими батареями. Но лѣсъ позади Садовой, а также и полоса лѣсу между этой деревней и селеніемъ Бенатекъ оставались еще въ рукахъ австрійцевъ. Противъ послѣдней полосы лѣсу генераль Франсецкій выслалъ свою пѣхоту, которая сначала завязала перестрѣлку, но потомъ, видя, что это бесполезно, потому что непріятель укрывался за деревьями, ударила въ штыки. Австрійцы выждали ударъ, и въ лѣсу завипѣлъ самый отчаянный рукопашный бой, результатомъ котораго было то, что прусаки овладѣли лѣсомъ, хотя понесли громадныя потери. Такъ 27-й прусскій полкъ вступилъ въ дѣло въ числѣ 3,000 нижнихъ чиновъ при 90 офицерахъ, а вышелъ только съ двумя офицерами и съ 300 или 400 нижнихъ чиновъ; всѣ остальные были перебиты или переранены. Прочіе полки также сильно пострадали, хотя не въ такой степени.

Выбитые изъ селеній, составлявшихъ какъ бы первую линію ихъ позиціи, австрійцы продолжали занимать господствовавшія надъ этими селеніями высоты, упираясь правымъ флангомъ къ Липпѣ и удерживая также лѣсъ за Садовою, по дорогѣ въ Липпу. Тогда прусская артилерія подвинулась впередъ и перешла Быстрицу, чтобы съ болѣе близкой дистанціи обстрѣливать позицію австрійцевъ. Прусская же пѣхота, овладѣвшая Садовою и Дохалищемъ, получила приказаніе атаковать садовскій лѣсъ; она двинулась къ лѣсу, но встрѣтила столь сильный отпоръ со стороны австрійцевъ, что не могла подвинуться далѣе половины лѣса. Тогда принцъ Фридрихъ-Карлъ велѣлъ 5-й и 6-й дивизіямъ, стоявшимъ въ резервѣ, идти въ дѣло. Войска эти сложили на землю свои каски и ранцы и бросились къ рѣкѣ. Ко-

роль былъ въ это время недалеко отъ Быстрицы, и войска, проходя мимо его на бой, привѣтствовали его громкими криками. Они перешли мостъ при Садовой, исчезли въ лѣсу, и вскорѣ сильная ружейная пальба дала знать, что они вступили въ дѣло. Но въ лѣсу встрѣтилъ прусаковъ такой огонь австрійской артилеріи, что они принуждены были отступить, не дойдя даже до схватки съ непріателемъ. Осколки гранатъ уничтожили ихъ ряды; огромные сучья, отрывааемые выстрѣлами отъ деревьевъ, наносили имъ еще болѣе страшныя раны.

Видя неуспѣшность атакъ на садовскій лѣсъ, прусаки приостановили свои нападенія и ограничились однимъ артилерійскимъ огнемъ. Вся резервная артилерія 1-й арміи была выдвинута въ первую линію; на правомъ флангѣ, у Дохалица дѣйствовала вся артилерія 2-го корпуса. Въ это время, около часу пополудни, со стороны прусаковъ былъ открытъ огонь покрайней мѣрѣ изъ 500 орудій; со стороны противника дѣйствовало не меньшее число орудій. Всѣ резервы 1-й арміи были уже въ дѣлѣ; въ резервѣ оставались только кавалерія и восемь батарей, оставленныхъ на всякій случай. Очевидно было, что атака 1-й арміи не удалась, и что если непріатель найдетъ возможность перейти въ наступленіе, то можетъ опрокинуть 1-ю армію и, такимъ образомъ, прорвать центръ прусаковъ. Положеніе было весьма критическое, и вся надежда оставалась лишь на то, что арміи эльбская и наслѣднаго принца на столько займутъ австрійцевъ на флангахъ, что отвлекутъ ихъ вниманіе и резервы отъ центра. Такъ дѣйствительно и случилось: именно дѣйствія этихъ армій на флангахъ австрійцевъ и рѣшили участь сраженія.

Эльбская армія прибыла на поле сраженія около 10 часовъ, и авангардъ ея, подъ защитою артилерійскаго огня, навелъ мостъ черезъ Быстрицу, около Неханица, и, переправившись на противоположный берегъ, занялъ деревню Лубно. Саксонцы, составлявшіе здѣсь лѣвый флангъ расположенія австрійцевъ, занимали очень выгодную позицію на высотахъ, упираясь правымъ флангомъ въ Быстрицу, лѣвымъ въ селеніе Примъ, а центромъ занимая селеніе Проблусъ. Чтобы выбить ихъ изъ этой позиціи, на Проблусъ направлень былъ авангардъ эльбской арміи, поддержанный дивизіей Мюнстера; дивизія Каншгейна получила приказаніе атаковать Примъ и стараться вообще охватить лѣвый флангъ саксонцевъ. Дивизія же

Отцеля оставлена была въ резервъ. Саксонцы держались здѣсь чрезвычайно упорно, несмотря на превосходство силъ пруссаковъ, и почти до самаго конца сраженія удерживали въ своихъ рукахъ селенія Проблусъ и Примъ.

Обратимся теперь къ дѣйствіямъ 2-й прусской арміи. Мы вранѣе однако должны предупредить, что дѣйствія эти очень еще не выяснены, и почти невозможно опредѣлительно рѣшить, какимъ именно образомъ они способствовали одержанію пруссаками побѣды. Наслѣдный принцъ двинулъ отъ Кенигингофа гвардейскій корпусъ и часть 6-го, за исключеніемъ одной бригады, оставленной противъ Йозефштадта; 1-й же и 5-й корпуса слѣдовали сзади. Въ 11 часовъ первые два корпуса подошли къ правому флангу австрійцевъ, стали развертываться и выдвинули свою артилерію. Австрійцы загнули свой флангъ къ Гореновеси и сперва весьма успѣшно отвѣчали на огонь пруссаковъ; но въ исходѣ перваго часа пополудни огонь австрійцевъ сталъ слабѣть, а въ началѣ втораго австрійская артилерія стала сниматься съ позиціи при Гореновеси. Тогда пѣхота гвардейскаго и 6-го корпусовъ атаковала липскія высоты и близлежащія деревушки и, послѣ упорной борьбы, овладѣла ими. Австрійцы старались занять прежнюю позицію; но всѣ ихъ попытки оказывались тщетными, благодаря стойкости и мужеству прусской пѣхоты. Наконецъ къ наслѣдному принцу прибыли и остальные два корпуса. Изъ нихъ первый былъ направленъ для поддержанія гвардейскаго, а 5-й оставленъ въ резервъ.

Такъ какъ около этого же времени огонь 1-й прусской арміи сталъ ослабѣвать и нѣкоторыя батареи начали подаваться назадъ, то, по словамъ корреспондента газеты Times, находившагося при австрійской главной квартирѣ, генералъ Бенедекъ собирался уже, поддерживавъ резервомъ правый свой флангъ, перейти въ центрѣ въ наступленіе, съ тѣмъ, чтобы, отбросивъ 1-ю армію за Быстрицу и направивъ для ея преслѣдованія массу своей кавалеріи, обратиться противъ арміи наслѣднаго принца и также отдѣльно разбить ее. Но въ это время, именно въ 2 часа 55 минутъ, Бенедекъ былъ извѣщенъ, что въ тылу его стоятъ пруссаки, занявшіе хлумскую высоту. Какъ это случилось, положительно невозможно еще объяснить. Австрійцы говорятъ, даже и въ своихъ офиціальныяхъ донесеніяхъ, что за дымомъ, который былъ прибитъ къ землѣ дождемъ,

нельзя было замѣтить, какъ прусаки пробрались и овладѣли Хлумомъ. Объясненіе чрезвычайно странное, особенно если принять во вниманіе, что близъ Хлума, въ самомъ незначительномъ отъ него разстояніи, были расположены резервы австрійцевъ. Если дымъ помѣшалъ австрійцамъ видѣть приближеніе прусаковъ, то никакъ уже не могъ онъ помѣшать имъ заблаговременно занять столь важный пунктъ. Вѣроятно же всего, что пунктъ этотъ вовсе не былъ занятъ австрійцами, а когда прусская гвардія двинулась на липскія высоты, то какая-нибудь часть ея, можетъ быть, даже не болѣе завода застрѣльщикова или нѣсколькихъ паръ ихъ, пробралась ложиною, идущею между хлумскою и липскою высотой, и засѣла въ деревнѣ Хлумѣ. Пока австрійцы собирались, какъ выгѣснить непріятеля оттуда, прусаки успѣли поддержать смѣльчаковъ и утвердились въ Хлумѣ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что, при частой стрѣльбѣ прусаковъ, австрійцы нерѣдко роты принимали за баталіоны и цѣлыя полки. Въ Хлумѣ, быть можетъ, сначала засѣли нѣсколько стрѣлковъ, но въ рядахъ австрійцевъ не нашлось никого, кто бы рѣшился принять на себя отвѣтственность выжить ихъ оттуда; послали дать знать объ этомъ главнокомандующему, а пока тотъ прискакалъ, прусаки уже были на столько сильны въ Хлумѣ, что не было возможности выбить ихъ оттуда. Корреспондентъ газеты „Times“ при австрійской арміи приводитъ, что онъ слышалъ, какъ рассказывали, что какой-то австрійскій офицеръ видѣлъ движеніе прусаковъ по ложицѣ въ Хлуму и хотѣлъ сообщить это кому-нибудь изъ штабныхъ чиновниковъ, но не могъ добиться, чтобъ его выслушали, и даже получилъ отъ какого-то адъютанта выговоръ за неумѣстное вмѣшательство.

Не успѣли опомниться австрійцы отъ удивленія, какимъ образомъ прусакамъ удалось захватить Хлумъ, какъ прусаки двинули уже 1-й корпусъ на поддержку гвардейскаго, а на хлумскую высоту поставили двѣ батареи. Между тѣмъ какъ австрійцы колебались еще, что имъ дѣлать, прусаки дѣйствовали: цѣлыя линіи ихъ синихъ мундировъ выдвигались по обѣ стороны Хлума, поражая своимъ огнемъ самые резервы австрійцевъ и дѣйствуя въ тылъ войскамъ, занимавшимъ еще высоты между Липною и садовскимъ шоссе. Поражаемая въ тылъ, войска эти въ безпорядкѣ бросаются къ шоссе и догоняютъ и сообщаютъ страхъ свой резервамъ центра и лѣваго

крыла. Наконецъ австрійскіе баталіоны изъ резерва двинулись противъ Хлума, но, встрѣченные убійственнымъ огнемъ, теряютъ большую половину людей и отступаютъ. Новая атака столь же неудачна, а между тѣмъ у прусаковъ уже приблизились къ Хлуму, кромѣ 1-го и гвардейскаго корпусовъ, почти весь 5-й и даже 6-й корпуса. Напрасно Бенедекъ съ отчаяніемъ кидается въ самый горячій огонь первой линіи, ничто не помогаетъ: разстройство все болѣе и болѣе распространяется между австрійцами, и вся армія отступаетъ въ безпорядкѣ, почти обращается въ бѣгство по направленію къ Кенигсгрецу и къ Эльбѣ.

Около трехъ часовъ пополудни, принцъ-Фридрихъ Карлъ, незнавшій еще о томъ, что армія наследнаго принца уже стоитъ въ тылу у австрійцевъ, замѣтилъ въ ихъ рядахъ колебаніе, ослабленіе огня, а потому, догадавшись, что, вѣроятно, 2-й арміи удалось отгнать правое крыло непріятеля, даетъ общее приказаніе перейти въ наступленіе. Первая армія, начавшая уже было падать духомъ, снова ободрилась: лѣсъ за Садовою былъ отбитъ, и прусскіе стрѣлки бросились на расположенную позади его батарею. Самъ король стоялъ во главѣ резервной кавалеріи 1-й арміи, провелъ ее черезъ мостъ у Садовой, мимо лежащаго позади этой деревни лѣса, и направилъ ее для преслѣдованія непріятеля.

Достигнувъ гребня высотъ, 1-я прусская армія овладѣла почти всеми стоявшими здѣсь орудіями, прислуга которыхъ спасалась бѣгствомъ; но легкія австрійскія орудія успѣли сняться съ позиціи, отступить съ необычайною скоростію, и они-то съ частію резервовъ, преимущественно состоявшихъ изъ войскъ 6-го корпуса и кавалеріи, прикрывали безпорядочное отступленіе австрійской арміи. Огонь этихъ орудій встрѣтилъ прусскую кавалерію, когда она, поднявшись на гребень высотъ, кинулась преслѣдовать отступающую пѣхоту. Австрійскія гранаты производили страшную убыль въ прусскихъ эскадронахъ, а австрійскіе баталіоны 6-го корпуса, прикрывавшаго отступленіе, нерѣдко останавливались и огнемъ своимъ отбивали кавалерійскія атаки. Что же касается до австрійской кавалеріи, то она слишкомъ страдала отъ огня прусскихъ орудій, чтобы быть въ состояніи постоянно прикрывать отступленіе своей пѣхоты; но, когда на нее нападала прусская кавалерія, и когда, слѣдовательно, ей ужъ нечего было бояться

прусскихъ выстрѣловъ, тогда ея мужество не мало способствовало успѣху отступленія. Такъ, когда эскадроны 3-го полка прусскихъ драгунъ ударили на отступавшій полкъ австрійскихъ кирасиръ, то послѣдніе повернули назадъ и встрѣтили атаку атакой; ихъ рослыя лошади и рослые люди смяли драгунъ и почти уничтожили ихъ подъ ударами своихъ тяжелыхъ палашей. Видя это, прусскіе уланы принца Гогенлоэ ударили во флангъ австрійцамъ и принудили ихъ отступить; сверхъ того гусары Циттена, цвѣтъ прусской легкой кавалеріи, атаковали ихъ съ тыла. Послѣдовала ужасная схватка. Кирасиры отбивались мужественно и дорого продавали свою жизнь; но ихъ одолѣли, и, говорятъ, только десять человѣкъ австрійцевъ спаслись невредимо изъ этой рѣзни. Австрійская артилерія тоже недолго была въ состояніи удерживать свою новую позицію: огонь и атака прусаковъ скоро заставили ее отступить. Она отступала медленно, останавливаясь и отстрѣливаясь вездѣ, гдѣ только мѣстность представляла къ тому удобство, чтобы задержать непріятеля и дать своей пѣхотѣ время отступить. Прусская кавалерія и конная артилерія преслѣдовали ее до самыхъ сумерекъ.

Когда были сбиты центръ и правый флангъ, австрійцы не могли держаться уже на занятой ими позиціи и также отступили къ Кенигсгрецу, преслѣдуемые войсками эльбской арміи. Часть же кавалеріи, бывшей при саксонскихъ войскахъ, успѣла проложить себѣ дорогу къ Пардубицу.

Судя по прусскимъ офиціальнымъ донесеніямъ, прусаки отбили у непріятеля въ этомъ сраженіи 174 орудія, 11 знаменъ и захватили 18,000 плѣнныхъ. Австрійцы потеряли, какъ полагаютъ прусаки, 40,000 убитыми и ранеными. Свою же потерю убитыми и ранеными прусаки оцѣниваютъ въ 10,000 человѣкъ.

Битва при Садовой, какъ ее называютъ австрійцы, или при Кенигсгрецѣ, какъ назвали прусаки, была великою побѣдою для прусской арміи. Войска сражались съ neodолимымъ мужествомъ, стоя по цѣлымъ часамъ подъ самымъ убійственнымъ огнемъ и съ необыкновенною энергіею бросаясь на самыя трудныя атаки. Побѣда несомнѣнно была рѣшена фланговою атакою наслѣднаго принца, котораго король тутъ же, на полѣ сраженія, наградилъ орденомъ pour le mérite. Но надо отдать справедливость, что и атака съ фронта 1-й арміи имѣла

большое вліяніе на исходъ дѣла: не будь она ведена такъ настойчиво, австрійцы могли бы отбить фланговую атаку.

Сами пруссаки отдають справедливость, что австрійскіе солдаты дрались очень хорошо, за исключеніемъ, конечно, итальянскихъ полковъ, въ которыхъ цѣлыя роты сдавались добровольно въ плѣнъ: такъ полки Гартвица и эрцгерцога Сигизмунда почти совершенно уничтожились. Особенно хорошо дѣйствовала во время сраженія австрійская артилерія и играла, какъ мы видѣли, важную роль при отступленіи. Вообще отступленіе австрійцы совершили съ большимъ искусствомъ. Высшіе начальники ихъ неоднократно сами водили войска въ атаку и служили примѣромъ храбрости для своихъ подчиненныхъ; поэтому неудивительно, что многіе изъ нихъ ранены, иные взяты въ плѣнъ. Такъ въ числѣ раненыхъ считаются, между прочимъ, три эрцгерцога и два корпусныхъ командира; князь Лихтенштейнъ и князь Виндишгрецъ взяты въ плѣнъ.

Однакожь, несмотря на мужество, проявленное австрійцами, особенно въ началѣ сраженія, несмотря на нѣкоторые блестящіе подвиги, выказанные ими въ теченіе этого дня, они потерпѣли весьма сильное пораженіе, подобныхъ которому немного въ исторіи Австріи, вообще богатой неудачами на полѣ битвъ.

Невольно является вопросъ: въ чемъ должно искать причину пораженія австрійцевъ? Многіе полагають, что главная причина всѣхъ вообще неудачъ ихъ на сѣверномъ театрѣ войны заключалась въ превосходствѣ вооруженія пруссаковъ — въ игольчатыхъ ружьяхъ. Отчасти это справедливо, но только отчасти: пруссакамъ доставило побѣду не одно только превосходство ихъ вооруженія, но—что болѣе важно — превосходство ихъ нравственныхъ силъ и распорядительность ихъ начальниковъ. Отъ австрійскаго главнокомандующаго ожидали очень многого; но онъ далеко не оправдалъ всеобщихъ ожиданій. Быть можетъ, найдутся какія-нибудь особенныя обстоятельства, оправдывающія дѣйствія Бенедека; но пока трудно предполагать ихъ. Онъ былъ облеченъ такимъ полномочіемъ, какимъ рѣдко пользовались полководцы Австріи; ему дана была громадная армія; самая мѣстность театра войны могла служить къ облегченію его дѣйствій, а между тѣмъ въ его дѣйствіяхъ постоянно замѣчаются ошибки, доставляющія полный перевѣсъ противнику. Прежде всего нельзя не удивляться тому, что Вене-

дегъ не принялъ энергическихъ мѣръ для обороны немногихъ горныхъ проходовъ, ведущихъ въ Богемію. Но положимъ, что онъ хотѣлъ, такъ сказать, заманить прусскую армію въ Богемію, чтобы потомъ, отбросивши къ горамъ, поставить въ крайне-затруднительное положеніе. Опять-таки и для этого имъ не было принято мѣръ: войска его были разсѣяны и начали сосредоточиваться лишь тогда, когда уже первая прусская армія стояла на Изерѣ, а вторая вступала въ Богемію. Если допустить, что онъ хотѣлъ держаться строго оборонительной системы, то и для этого не видно никакихъ особенныхъ распоряженій. Долина Изера очень удобна для упорной обороны, однакожь здѣсь не было построено ни одного укрѣпленія, не насыпано ни одной батареи. Допустимъ, что недостаточность обороны Изера и вообще слабость дѣйствій противъ арміи принца Фридриха-Карла приписываютъ графу Клямъ-Галласу, которому было поручено задерживать наступленіе этой арміи; но кенигсгрецкая позиція была заранѣе избрана, а между тѣмъ она оказалась чрезвычайно растянутою, вовсе необезпеченною съ фланговъ, мало усиленною искусствомъ. Последнее въ особенности казалось бы необходимымъ, такъ какъ позицію должны были занять преимущественно войска, разстроенныя уже предшествовавшими дѣйствіями. Впрочемъ, прусскія офиціальныя донесенія показываютъ, что позиція австрійцевъ была такъ сильно укрѣплена, что представляла почти непрерывную линію батарей, ложементовъ для стрѣлковъ, укрѣпленій; напротивъ того, австрійскіе источники и англійскій корреспондентъ, находившійся при главной квартирѣ австрійцевъ, выставляютъ, что позиція почти вовсе не была усилена искусственными сооружениями. Вопросъ этотъ, конечно, разъяснится лишь въ будущемъ. Кажется наиболѣе вѣроятнымъ, что позиція была укрѣплена весьма слабо. Самъ генералъ Бенедекъ, въ одномъ изъ своихъ донесеній, послѣ занятія пруссаками Гичина, говоритъ, что, вслѣдствіе отступленія 1-го корпуса и саксонцевъ отъ Гичина, онъ *вынужденъ* занять позицію впереди Кенигсгреца и сосредоточить на ней войска. Донесеніе это какъ бы намекаетъ на то, что позиція эта не была имъ избрана заранѣе, а занята по необходимости. Это отчасти можетъ служить оправданіемъ, что она не была достаточно подготовлена и вообще неудовлетворительна для обороны. Но, съ другой стороны, то же самое сознаніе ав-

стрійскаго главнокомандующаго можетъ быть поставлено ему въ упрекъ. Одно изъ важнѣйшихъ качествъ всякаго полководца заключается въ томъ, чтобы не только быть независимымъ въ своихъ дѣйствіяхъ отъ воли противника, но заставлятъ его сообразоваться со своими дѣйствіями; это въ особенности важно и возможно при оборонительныхъ дѣйствіяхъ. Генералъ же Бенедекъ, напротивъ, постоянно дѣлалъ то, что угодно было его противнику. Съ самаго начала кампаніи прусаки успѣли отвлечь его вниманіе и главныя силы въ Моравію; затѣмъ движеніемъ 2-й арміи въ Богемію вынудили его отказаться отъ противоудѣйствія имъ на Изеръ; наконецъ сосредоточеніемъ своихъ силъ они вынуждаютъ его занять невыгодную позицію и принять на ней сраженіе. При такого рода дѣйствіяхъ, конечно, успѣхъ не могъ не быть на сторонѣ прусаковъ.

Кенитсгреецкое пораженіе произвело потрясающее впечатлѣніе на Вѣну и на тамошнее правительство. Общественное мнѣніе, которое такъ много ожидало отъ сѣверной арміи и ея главнокомандующаго, теперь впало въ противоположную крайность и разразилось сильнѣйшими нападками на генерала Бенедека и его главный штабъ. Желая успокоить общество, правительство послало графа Менсдорфа въ армію, чтобы изслѣдовать, въ какомъ положеніи находятся дѣла, и разузнать, въ состояніи ли армія, послѣ понесеннаго ею пораженія, продолжать кампанію. Графъ Менсдорфъ считался въ числѣ противниковъ генерала Бенедека и, какъ говорятъ, вовсе не одобрялъ его плановъ; тѣмъ не менѣе, онъ привезъ императору самыя успокоительныя извѣстія изъ арміи и заявилъ, что войска хотя и понесли большія потери, но не деморализованы окончательно и могутъ служить еще для охраненія столицы. Надо полагать, что всѣ неудачи въ распоряженіяхъ были отнесены на нераспорядительность штаба главнокомандующаго, потому что, вслѣдъ за повѣзкою графа Менсдорфа къ арміи, начальникъ штаба ея, баронъ Геникштейнъ, и начальникъ военной канцеляріи главнокомандующаго, генералъ Кришманичъ, были арестованы и преданы суду; начальникомъ же штаба сѣверной арміи назначенъ былъ генералъ Паумгартенъ. Также отданъ былъ подъ судъ въ это время и генералъ Кламъ-Галласъ, хотя кажется, что онъ былъ преданъ суду еще послѣ занятія прусаками Гичина, потому что не участвовалъ въ

кенигсгретскомъ сраженіи, сдавъ свой корпусъ наканунѣ сраженія генералу Гондректуру.

Тотчасъ же послѣ кенигсгретскаго сраженія, императоръ Францъ-Іосифъ обратился къ императору Наполеону, прося его посредничества для заключенія мира. При этомъ австрійскій императоръ отказывался въ пользу императора Наполеона отъ Венеціанской области. Австрійское правительство надѣялось пріобрѣсти отдѣльный миръ съ Италіею, съ тѣмъ, чтобы употребить тогда свою южную армію противъ Пруссіи. Но расчетъ оказался неправильнымъ. Когда Франція предложила Италіи принять изъ ея рукъ Венецію и затѣмъ прекратить военныя дѣйствія противъ Австріи, то итальянское правительство прямо отказалось отъ этой сдѣлки, объявивъ, что оно связано договоромъ съ Пруссіею и вовсе не имѣетъ желанія получить Венецію изъ рукъ французскаго императора, а желаетъ завоевать ее силою своего оружія. По необходимости пришлось обратиться къ Пруссіи, чтобы склонить ее на перемиріе; но прусскій король объявилъ, что онъ не иначе можетъ согласиться на прекращеніе военныхъ дѣйствій, какъ только тогда, когда заблаговременно будутъ опредѣлены и утверждены условія будущаго мира; въ числѣ же условій на первомъ планѣ король выставлялъ исключеніе Австріи изъ Германскаго Союза. На это условіе никакъ не хотѣла въ то время соглашаться Австрія; да и самъ императоръ Наполеонъ находилъ слишкомъ неумѣренными подобныя требованія Пруссіи. Такимъ образомъ, первая попытка къ заключенію перемирія тотчасъ послѣ кенигсгретскаго сраженія оказалась неумѣстною; но, тѣмъ не менѣе, императоръ Наполеонъ не отказался отъ принятаго имъ на себя посредничества и усилилъ даже свои старанія, чтобы склонить обѣ стороны къ большей сговорчивости и покончить войну перемиріемъ, а затѣмъ и миромъ.

Несмотря однакожь на переговоры, военныя дѣйствія продолжались съ прежнею силою, и австрійское правительство, казалось, готово было на новыя жертвы, чтобы противодѣйствовать Пруссіи. Но вскорѣ оказалось, что борьба положительно невозможна для одряхлѣвшаго организма Австріи.

Послѣ кенигсгретскаго сраженія, главныя силы австрійской арміи отступили черезъ Гогенмаутъ и Лейтомишль въ Моравію, не останавливаясь ни въ ущельяхъ Моравскихъ горъ, ни

за встрѣчающимися рѣчками, и, оставляя всѣхъ своихъ раненыхъ, потянулись къ Вѣнѣ, гдѣ, подѣ защитой флорисдорфскихъ укрѣпленій, должны были выждать подкрѣпленій, слѣдовавшихъ къ нимъ изъ южной арміи. Начальство надѣ этими войсками принялъ генералъ Габленцъ. Лѣвое же крыло австрійской арміи, именно саксонцы, 1-й и 8-й корпуса, вмѣстѣ съ легкой кавалерійской дивизіей князя Таксиса и съ самимъ главнокомандующимъ, направились къ востоку и заняли ольмюцскій укрѣпленный лагерь; здѣсь они должны были оправиться отъ пораженія и переформировать свои части. Пруссаки немедленно послѣдовали за австрійскими войсками въ Моравію; но для движенія они снова раздѣлились: армія принца Фридриха-Карла, вмѣстѣ съ главною квартирою короля, направилась отъ Пардубица на Цвитау къ Брюну; лѣвѣе ея, армія наследнаго принца, оставивъ 12-ю дивизію для наблюденія за Іозефштадтомъ и Кенитсгрецомъ, направилась черезъ Трюбау къ Ольмюцу; правѣе же 1-й арміи двигалась эльбская армія генерала Герварта на Иглау и Цнаймъ. Въ то же время отдано было приказаніе о движеніи 1-го резервнаго прусскаго корпуса, состоявшаго подѣ начальствомъ генерала Мюльбе, изъ Саксоніи въ Прагу, для занятія Богеміи; въ Саксоніи оставлено было временно нѣсколько ландверныхъ полковъ, подѣ начальствомъ генерала Шека. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписано было сформировать въ Саксоніи новый, 2-й резервный корпусъ, изъ контингентовъ тѣхъ сѣверо-германскихъ государствъ, которые пристали къ Пруссіи. Корпусъ этотъ, состоя изъ контингентовъ обоихъ Мекленбурговъ, Ангальта, Брауншвейга и Саксенъ-Альтенбурга, а также прусской ландверной кавалеріи, предназначался не для занятія Саксоніи, а для дѣйствій противъ Ваваріи. Всего въ этомъ корпусѣ набралось 33 баталіона пѣхоты, 12 эскадроновъ, 6 батарей съ 36 орудіями и дивизионъ піонеръ. Начальство надѣ корпусомъ поручено было великому герцогу мекленбургъ-шверинскому.

8-го іюля (26-го іюня), 8,000 прусаковъ, подѣ начальствомъ генерала Розенберга-фонъ-Груцинскаго, вступили въ Прагу, откуда австрійскія правительственныя власти заблаговременно выѣхали въ Пильзенъ. Вообще, австрійскіе чиновники вездѣ, по мѣрѣ наступленія прусаковъ, оставляютъ свои должности и этимъ, конечно, еще болѣе увеличиваютъ для страны бѣдствія войны, потому что даютъ болѣе просторъ произ-

волу побѣдителей. Надо замѣтить, что вездѣ, куда ни являются прусаки, они налагаютъ на жителей значительныя контрибуціи и довольствуютъ войска реквизиціоннымъ способомъ, оговариваясь однако, что они берутъ только то, что крайне необходимо для войскъ. Чтобы дать нѣкоторое понятіе объ этихъ поборахъ, достаточно сказать, что Прагъ содержаніе 8,000-го прусскаго гарнизона обходится до 20,000 гульденовъ ежедневно. Кромѣ довольствія не только нижнимъ чинамъ, но и офицерамъ, городъ доставляетъ экипажи для загородныхъ прогулокъ офицеровъ, даровые билеты въ театры и на разные спектакли. Мало того: прусаки требуютъ отъ города что имъ вздумается: такъ вдругъ было потребовано 19 верховыхъ лошадей для прусскихъ офицеровъ, потомъ 80 ландкартъ Богеміи, Моравіи, Австріи и Венгріи, то нѣсколько сотъ ведеръ вина, то нѣсколько тысячъ сигаръ и т. п. Въ теченіе первыхъ девяти дней занятія прусаками Праги, городъ доставилъ по ихъ требованіямъ: 31 центъ (*) хлѣба, 1 центъ соли, 3½ цента рису, 60 фунтовъ кофе, 76 ведеръ вина, 450 аршинъ сукна, 700 одѣялъ, 700 полотенецъ, 250 платковъ, 118 наводочекъ, 215 кусковъ кожи, годной на обувь и бубны, 3,000 подошвенныхъ гвоздей, 13,000 гвоздей на каблуки, 926 различныхъ желѣзныхъ вещей, 600 подковъ и къ нимъ 8,000 гвоздей. Наконецъ, пражская община должна содержать для прусаковъ 38 хлѣбопеконъ, 6 булочниковъ и одного смотрителя надъ пекарнями; на нее возложено было построить особый мостъ, который понадобился прусакамъ, и много т. п. Подобныя же поборы производятся и во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ только стоятъ прусаки, и можно безошибочно сказать, что содержаніе корпуса Мюльба, со времени вступленія его въ Богемію, не стоитъ правительству ни гроша. Нечего говорить, какъ разорительны для страны всѣ эти поборы, тѣмъ болѣе, что и безъ нихъ мѣстное населеніе много страдаетъ отъ войны. Одно закрытіе почти всѣхъ фабрикъ и заводовъ въ странѣ оставило нѣсколько тысячъ рабочихъ безъ куска хлѣба, да сверхъ того, по расчетамъ чешскихъ газетъ, въ тѣхъ округахъ Богеміи, гдѣ происходили сраженія, болѣе или менѣе разорено около 70,000 семействъ. Какъ бы въ утѣшеніе не-

(*) Центъ = 100 фунтамъ.

счастливымъ чехамъ и для того, конечно, чтобы привлечь ихъ на свою сторону, прусское правительство обнародовало прокламацію, въ которой говорится, что прусаки пришли въ страну не какъ враги и завоеватели, но съ полнымъ уваженіемъ къ историческимъ и національнымъ правамъ чеховъ, и что, при заключеніи мира, Пруссія будетъ ходатайствовать объ удовлетвореніи справедливыхъ требованій какъ чеховъ, такъ и венгерцевъ. Подобная же прокламація была выпущена и для венгерцевъ. Въ прусской главной квартирѣ появился даже извѣстный венгерскій эмигрантъ, генералъ Клапка, и ему разрѣшено было формировать въ южной Силезіи венгерскій легионъ изъ взятыхъ въ плѣнъ венгерскихъ солдатъ. Такими распоряженіями, Пруссія наносила Австріи чрезвычайно сильный ударъ и явно показывала, что для ослабленія противника она готова употребить всѣ средства, какія только представляются ей.

Къ 15-му (3-му) іюля прусскія арміи заняли уже почти всю Моравію и даже вступили въ предѣлы собственно Австрійскаго эрцгерцогства, а именно: правая колонна генерала Герварта, пройдя Цнаймъ, двинулась по направленію къ Вѣнѣ и имѣла незначительное авангардное дѣло у Штокерау; 1-я прусская армія имѣла также небольшое дѣло съ австрійскими гусарами, сопровождавшими транспортъ у Цвиттау, и, отбивъ этотъ транспортъ, заняла 12-го числа Брюнъ, имѣла тамъ отдыхъ, послѣ котораго двинулась далѣе и заняла Лунденбургъ, важный пунктъ соединенія ольмюцско-вѣнской желѣзной дороги съ дорогою, ведущею изъ Брюна; одновременно съ этимъ главная квартира прусскаго короля перешла въ Никольсбургъ. Наконецъ, 2-я прусская армія 15-го числа была уже въ окрестностяхъ Ольмюца и имѣла здѣсь довольно значительное дѣло съ австрійцами у Тобитшау.

Какъ сказано выше, послѣ кенигсгрецкаго сраженія, часть австрійской арміи, съ самимъ главнокомандующимъ, отступила въ Ольмюцъ, гдѣ должна была переформироваться, усиливаться подкрѣпленіями и дѣйствовать на сообщенія пруссаковъ въ случаѣ движенія ихъ къ Дунаю. Другая часть арміи отступила прямо во флорисдорфскій лагерь, гдѣ должна была войти въ составъ новой формирующейся арміи, предназначаемой для обороны долины Дуная. Для усиленія этихъ армій, австрійское правительство намѣревалось употребить всѣ имѣю-

щіяся еще у него средства: въ Вѣну собраны были всѣ пятые баталіоны, которые, покрайней мѣрѣ на бумагѣ, представляли силу въ 80,000 человекъ; въ Галиціи и Венгріи объявленъ былъ чрезвычайный наборъ; въ Кроаціи призвано къ оружію все населеніе съ 18 до 40-лѣтняго возраста; въ Штиріи, Каринтіи и собственной Австріи объявленъ сборъ поголовнаго ополченія; въ разныхъ частяхъ имперіи дозволено сформированіе отрядовъ волонтеровъ; наконецъ, изъ Италіи вызвана была наиболѣе значительная часть южной арміи. Такъ какъ австрійское правительство положительно рѣшилось отказаться отъ Венеціи, то оттуда было перевезено въ Вѣну до 60,000 войскъ, а затѣмъ оставлено только около 50,000 человекъ для охраненія крѣпостей Венеціанской области, около 15,000 для обороны Тироля и 25,000 человекъ на Изонцо, для прикрытія доступовъ къ Триесту. Въ то же время, эрцгерцогъ Альбертъ, побѣдитель при Кустоцѣ, былъ вызванъ въ Вѣну и назначенъ главнокомандующимъ всѣхъ австрійскихъ армій.

Если бы всѣ эти мѣры были дѣйствительно въ самоскорѣйшемъ времени приведены въ исполненіе, то получилась бы возможность собрать еще достаточно сильныя арміи для противодѣйствія прусакамъ. Но, несмотря на новый манифестъ императора Франца-Иосифа, отъ 10-го іюля (28 го іюня), выставлявшій всю безпомощность имперіи и призывавшій народы Австріи къ энергическому противодѣйствію непріятелю, оказалось, что народы эти слишкомъ равнодушно смотрятъ на несчастія, постигшія правительство. Въ Венгріи наборъ встрѣтилъ прямое противодѣйствіе; кроаты подымались очень неохотно; даже въ собственной Австріи явились протесты противъ созванія народнаго ополченія. При такомъ расположеніи умовъ, правительство должно было отказаться отъ желанія имѣть двѣ отдѣльныя арміи, одну на Дунаѣ, а другую въ Ольмюцѣ, и приказало, чтобы всѣ войска изъ ольмюцскаго лагеря были отправлены немедленно въ Вѣну, оставивъ лишь самый необходимый гарнизонъ въ крѣпости. Вслѣдствіе того саксонскія войска, кавалерія и часть 1-го корпуса были перевезены по желѣзной дорогѣ изъ Ольмюца въ Вѣну; но занятіе Люденбурга прусаками воспрепятствовало дальнѣйшей отправкѣ войскъ, которыя затѣмъ должны были слѣдовать изъ Ольмюца въ Вѣну кружнымъ путемъ черезъ Малые Карпаты и Венгрію. Для прикрытія отправления войскъ изъ Ольмюца, австрійцы выставили на

сильной позиціи у Тобитшау бригаду Роткирха. Эту-то бригаду и атаковали, 15-го (3-го) іюля, войска арміи наслѣднаго принца, именно 1-й корпусъ, генерала Вовина. Превосходство силъ прусаковъ одолѣло и упорство австрійцевъ, и сильную ихъ позицію: съ значительнымъ урономъ, потерявъ 18 орудій и до 400 человекъ плѣнными, австрійцы были отброшены къ Ольмюцу, причемъ прусскіе гусары до позднихъ сумерекъ преслѣдовали ихъ, неоднократно врываясь въ австрійскія каре. Замѣчательно, что взятыя въ этомъ дѣлѣ у австрійцевъ орудія были захвачены прусскими кирасирами полковъ № 2-го и 5-го, которые произвели въ теченіе дня нѣсколько весьма удачныхъ атакъ.

Вслѣдъ за сраженіемъ при Тобитшау, наслѣдникъ прусскій принцъ, двигаясь дажѣ къ востоку, занялъ Прерау, пунктъ соединенія краковско-вѣнской желѣзной дороги съ ольмюцскою. А такъ какъ въ то же время изъ австрійской Силезіи, отъ Тропау, подступилъ къ Ольмюцу прусскій отрядъ генерала Кнобельсдорфа, составленный изъ силезскихъ ландверовъ, то крѣпость Ольмюцъ и была вполне обложена прусаками, прервавшими всякое сообщеніе ея съ австрійскими областями.

Занявъ всю Моравію, прусскія арміи снова стали сосредоточиваться, чтобы дѣйствовать уже въ долину Дуная или противъ флорисдорфскаго лагеря. Съ этою цѣлю армія наслѣднаго принца передвинулась къ югу, въ окрестности Брюна и Никольсбурга; прусскіе передовые отряды подвинулись еще ближе къ Дунаю, такъ что съ колоколенъ Вѣны можно было видѣть бивуачные огни прусаковъ.

Положеніе Вѣны въ это время было самое тягостное: хотя императоръ еще оставался въ своей столицѣ, но дворъ и большая часть разныхъ управленій оставили ее и перешли частію въ Коморнъ, частію въ Пестъ; всѣ казенныя кассы также были вывезены изъ Вѣны. Взамѣнъ того Вѣна переполнилась бѣглецами изъ Богеміи и Моравіи, и масса бѣднаго населенія сильно увеличилась. Между тѣмъ, подвозы продовольствія къ столицѣ почти прекратились, и Вѣнѣ грозили нищета и голодъ. Желая избавить свою столицу отъ ужасовъ войны, правительство заявило, что Вѣна не будетъ защищаема войсками, и вывело изъ нея всѣ военныя команды, а охраненіе спокойствія въ городѣ возложено на мѣстныя власти и на составленную изъ гражданъ муниципальную гвардію.

Для охраненія долины Дуная, въ то время, когда прусаки стояли уже въ виду Вѣны, австрійскому правительству удалось собрать не болѣе 250,000 человекъ, на которыхъ лежала довольно трудная задача охраненія теченія Дуная между Линцомъ и Пресбургомъ. Наиболѣе значительная масса этихъ войскъ сосредоточена была въ флорисдорфскомъ укрѣпленномъ лагерѣ, который ежедневно усиливается былъ новыми укрѣпленіями; затѣмъ около 50,000 человекъ занимали укрѣпленный лагерь Линца и охраняли теченіе Дуная между этимъ пунктомъ и Вѣною, уничтоживъ всѣ мосты, существовавшіе на этомъ пространствѣ. Наконецъ, у Пресбурга собирався особый корпусъ войскъ, который долженъ былъ задерживать наступленіе прусаковъ, въ случаѣ, если бы они вздумали направиться въ Венгрію.

Послѣднее направленіе казалось наиболѣе выгоднымъ для прусаковъ, такъ какъ оно давало имъ возможность произвести волненіе въ Венгріи и тѣмъ поставить австрійское правительство въ крайнее положеніе. Для успѣха этихъ дѣйствій, прусское правительство разрѣшило даже бывшему венгерскому генералу Клапкѣ, извѣстному своей защитой Коморна, сформировать въ крѣпости Нейссе особый венгерскій легіонъ изъ находящихся въ плѣну венгерскихъ солдатъ.

Уже 17-го (5-го) іюля войска 1-й прусской арміи перешли Мораву у Голица и вступили въ предѣлы Венгріи. Вслѣдъ за тѣмъ принцъ Фридрихъ-Карлъ направился къ Пресбургу, чтобы атаковать собиравшіяся тамъ австрійскія войска. 21-го числа прусскіе передовые отряды встрѣтились съ австрійскими аванпостами у Блюменау, нѣсколько сѣвернѣе Пресбурга, и имѣли незначительную перестрѣлку, а на слѣдующій день полторы прусскія дивизіи атаковали самую позицію австрійцевъ, занятую 3-мъ армейскимъ корпусомъ, генерала графа Туна, и бригадою Мондла. Съ утра завязалось дѣло, въ которомъ, какъ кажется, успѣхъ вполне склонился на сторону австрійцевъ, имѣвшихъ на своей сторонѣ превосходство силъ и мѣстности. Прусаки надѣялись на свое обходное движеніе, именно на то, что бригадѣ Воге приказано было перейти Мораву, дебушировать черезъ Карпаты и выйти въ тылъ австрійцамъ. Движеніе это было исполнено съ успѣхомъ; но въ то время, когда прусаки готовились уже нанести рѣшительный ударъ австрійцамъ, атаковавъ съ тылу и ударивъ на нихъ всѣми силами съ фронта,

прибыли адъютанты съ извѣстіемъ, что король согласился прекратить военныя дѣйствія, которыя и остановлены съ полудня 22-го (10-го) іюля. Такимъ образомъ, судьба избавила австрійцевъ отъ пораженія.

Съ того времени, какъ не состоялось перемиріе, предложенное Австріею тотчасъ послѣ кенигсгрецкаго сраженія, не прерращались однако переговоры о приостановленіи военныхъ дѣйствій. Императоръ Наполеонъ, принявъ на себя посредничество въ дѣлѣ примиренія Австріи съ ея противниками, употреблялъ всѣ мѣры для того, чтобы склонить съ одной стороны Австрію къ большей сговорчивости, съ другой же убѣдить и Пруссію къ большей умѣренности въ своихъ требованіяхъ. Старанія его увѣнчались наконецъ успѣхомъ, и прусскій король, изъявивъ готовность прекратить военныя дѣйствія на пять дней, съ тѣмъ, чтобы въ это время Австрія окончательно высказалась, принимаетъ ли она условія Пруссіи, или нѣтъ. Съ принятіемъ этихъ условій, перерывъ военныхъ дѣйствій долженъ былъ превратиться въ перемиріе, въ теченіе котораго обѣ стороны окончательно условились бы о мирѣ. Постановленія о перемиріи должны были распространяться только на Италію, но не на южно-германскія государства, которыя, по прежнему, оставались въ войнѣ съ Пруссіею.

Весь ходъ переговоровъ, веденныхъ въ главной квартирѣ прусскаго короля, въ Никольсбургѣ, покрытъ глубокою тайною; но, сколько извѣстно, условія Пруссіи заключались въ томъ, что Австрія исключается изъ Германскаго Союза, преобразование котораго должно быть совершено безъ ея участія подъ руководствомъ Пруссіи. Пруссія получаетъ полное преобладаніе въ сѣверной Германіи до Майна и кромѣ приэльбскихъ герцогствъ должна получить и нѣкоторыя территоріальныя приобрѣтенія; цѣлость владѣній Австріи сохраняется, за исключеніемъ Венеціанской области, которая должна отойти къ Италіи. Сверхъ того, Австрія уплачиваетъ Пруссіи часть военныхъ издержекъ, а до исполненія всѣхъ мирныхъ условій Богемія и Моравія остаются въ рукахъ прусаковъ.

Послѣ горестнаго колебанія, императоръ Францъ-Іосифъ согласился на эти условія, хотя приверженцы партіи войны въ Австріи, имѣя во главѣ эрцгерцога Альберта и генерала Габленца, всячески старались воспрепятствовать этому, выставяя, что не только возможно продолжать войну, но что даже можно

надѣяться и на успѣхъ. Трудно, конечно, повѣрить, въ какой степени были справедливы эти заявленія, но кажется, что если бы Австрія продолжала борьбу, то скорѣе могла бы понести еще большія потери, чѣмъ приобрѣла бы какіе-либо успѣхи надъ прусаками.

Вслѣдствіе согласія Австріи на главныя условія мирныхъ переговоровъ, перерывъ военныхъ дѣйствій былъ продолженъ еще на нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ и было заключено четырехнедѣльное перемиріе, начавшееся со 2-го августа (21-го іюля). Въ то же время подписано было 25-го (13-го) іюля въ главной квартирѣ прусскаго короля перемиріе между Австріею и Италіею. Затѣмъ самыя переговоры о мирѣ должны происходить въ Прагѣ, куда и придутъ уполномоченные со стороны Австріи, Пруссіи и Италіи.

По утвержденіи четырехнедѣльнаго перемирія, прусскій король объѣхалъ всѣ войска, собранныя около Никольсбурга, и выѣхалъ черезъ Прагу въ Берлинъ, гдѣ готовился ему самый торжественный приемъ.

Обратимся теперь къ обзору военныхъ дѣйствій на другихъ театрахъ войны и начнемъ съ Италіи.

Неудача при Кустоцѣ показала, что итальянская армія дѣйствительно существуетъ, что она обладаетъ превосходными боевыми качествами, но не имѣетъ хорошихъ военачальниковъ, которые умѣли бы водить ее къ побѣдамъ. Дѣйствительно, пораженіе, испытанное итальянцами, не было слѣдствіемъ недостатка храбрости и стойкости въ арміи, а единственно слѣдствіемъ неудачно избраннаго плана дѣйствій. Составленіе этого плана приписываютъ генералу Ламарморѣ, который, будучи превосходнымъ администраторомъ, не можетъ похвалиться большими стратегическими способностями, а главное держится того мнѣнія, что итальянцы не иначе могутъ атаковать австрійцевъ, занимающихъ Венеціанскую область, какъ дѣйствуя непосредственно противъ знаменитаго четырехугольника крѣпостей. Напротивъ того, другая часть военныхъ людей Италіи, имѣющихъ во главѣ Чальдини и Гарибальди, полагаютъ, что непремѣнно нужно дѣйствовать на сообщенія четырехугольника. Само собою разумѣется, что, послѣ неудачи при Кустоцѣ, планы генерала Ламарморе были оставлены и принятъ былъ планъ, предлагаемый генераломъ Чаль-

дни, который и рѣшено было исполнить. Но предварительно надлежало переформировать армію.

Между тѣмъ, австрійцы не оставались въ бездѣйствіи послѣ сраженія при Кустоцѣ. Такъ какъ итальянская армія, возвратясь въ Ломбардію, отошла отъ границы за Кіезу, то со стороны австрійцевъ, на правомъ берегу Мичіо, сначала стали появляться отдѣльныя кавалерійскія партіи, а наконецъ, 3-го іюля (21-го іюня), въ Ломбардію вступилъ и самъ эрцгерцогъ Альбертъ съ главными силами австрійской арміи, не встрѣтивъ нигдѣ сопротивленія со стороны итальянцевъ, которые въ это время сосредоточивали главныя свои силы на правомъ берегу По. Пользуясь слабостію итальянцевъ въ Ломбардіи, очень легко могло бы случиться, что австрійцы дошли бы до Милана; но въ это время эрцгерцогъ Альбертъ получилъ приказаніе изъ Вѣны возвратиться на лѣвый берегъ Мичіо и, оставивъ лишь самую незначительную часть войскъ въ Венеціанской области, спѣшить съ остальными на поддержку сѣверной арміи, потерпѣвшей пораженіе подъ Кенигсгрецомъ. Тогда же императоръ Наполеонъ заявилъ итальянскому правительству, чтобы оно воздержалось отъ военныхъ дѣйствій противъ Венеціи, такъ какъ область эта уступлена ему Австріею. Но итальянское правительство весьма энергически объявило, что не можетъ прекращать военныхъ дѣйствій, не желаетъ принимать Венеціи изъ рукъ Франціи, а употребить всѣ усилія завоевать эту область и продолжать военныя дѣйствія совокупно съ Пруссіею. При этомъ флорентійскій кабинетъ заявилъ также, что притязанія его не ограничиваются Венеціей, но простираются и на южный Тироль, на Истрію и даже на Далмацію, которыя, какъ страны съ преобладающимъ итальянскимъ населеніемъ, должны также принадлежать Италіи.

Лишь только стало извѣстно итальянцамъ, что имъ безъ боя хотѣтъ отдать Венецію, какъ тотчасъ же итальянское правительство поспѣшило открытіемъ военныхъ дѣйствій, чтобы, по возможности, настичь австрійскую армію, принудить ее къ сраженію и отмстить за пораженіе при Кустоцѣ. Съ этою цѣлію предписано было дивизіи генерала Нунціате-ди-Миньяно атаковать мостовыя укрѣпленія австрійцевъ у Боргофорте, а генералу Чальдьяни поспѣшить переправою черезъ По и обойти четырехугольникъ съ востока.

5-го іюля (23-го іюня) генераль Нунціате приступилъ къ обстрѣливанію боргофортскихъ укрѣпленій, но, не имѣя орудій большаго калибра, не могъ нанести большаго вреда австрійцамъ и долженъ былъ отступить съ потерю нѣсколькихъ человекъ убитыми и ранеными. Между тѣмъ, австрійцы отступили на лѣвый берегъ Минчіо, уничтожили за собою мосты и начали очищать Венеціанскую область, оставляя однако гарнизоны во всѣхъ укрѣпленныхъ пунктахъ.

8-го іюля (26-го іюня), генераль Чальдини переправился черезъ По у Понте-Лагоскуро, не встрѣчая сопротивленія со стороны австрійцевъ; подъ его начальствомъ находилось пять дивизій: генераловъ Казановы, Рикотти, Меццакапо, Кабреры и Медичи, всего около 60,000 пѣхоты, 150 орудій, шесть полковъ кавалеріи и значительное число пионеръ и инженерныхъ войскъ, которые были необходимы ему для исправленія мостовъ и дорогъ, разрушаемыхъ австрійцами.

При дальнѣйшемъ наступленіи своемъ, Чальдини нигдѣ не встрѣчалъ непріятеля, но находилъ разрушенными всѣ мосты, что значительно замедляло его движеніе; тѣмъ не менѣе, слѣдуя черезъ Ровиго и Падуу, онъ достигъ 15-го числа Виченцы. Узнавши здѣсь, что австрійцы занимаютъ горные проходы, ведущіе изъ долины Brenty въ долину Адижа, онъ направилъ дивизію Медичи для овладѣнія этими проходами, а самъ, съ главными силами, продолжалъ свое движеніе на востокъ вслѣдъ за отступающими австрійцами. Переправившись безъ сопротивленія черезъ Пиаве, Тальяменто и Ливенцу, онъ достигъ 25-го (13-го) іюля окрестностей Пальмановы, гдѣ его остановило извѣстіе о перемиріи.

Генераль Медичи встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны австрійцевъ и цѣлыхъ три дня почти непрерывно сражался противъ нихъ. 22-го числа, послѣ девятичасоваго боя, онъ вытѣснилъ австрійцевъ изъ сильной позиціи у Примолано, а на слѣдующій день съ боя занялъ Борго и Левико, потерявъ при этомъ 20 человекъ убитыми и 50 ранеными. 24-го числа дѣйствія его были менѣе успѣшны, и онъ долженъ былъ нѣсколько отступить, понесъ значительныя потери, но на слѣдующій же день снова двинулся впередъ и занялъ Пергине, пунктъ, находящійся всего верстахъ въ 12 отъ Триента, главнаго города южнаго Тироля. Здѣсь застало его извѣстіе о перемиріи.

Между тѣмъ какъ Чальдини перешелъ По, генералъ Нунцианте возобновилъ со своей дивизіей дѣйствія противъ Боргофорте; но на этотъ разъ онъ устроилъ траншеи, насыпалъ батареи, которыя были вооружены орудіями, доставленными изъ Болоньи, и только тогда, 17-го (5-го), открылъ огонь по австрійскимъ укрѣпленіямъ. Огонь продолжался цѣлый день и произвелъ весьма сильное дѣйствіе, такъ что въ слѣдующую же ночь австрійцы оставили укрѣпленія и отступили въ Мантую, а итальянцы заняли ихъ и нашли тамъ 140 заклепанныхъ орудій большого калибра. Это были почти единственные успѣхи итальянцевъ, потому что въ другихъ мѣстностяхъ, именно въ горахъ Тироля, и особенно на морѣ, имъ пришлось испытывать почти однѣ неудачи.

На волонтеровъ Гарибальди возлагали чрезвычайно большія надежды, которыя однакожъ не оправдались. Причинъ тому очень много: во-первыхъ, въ ряды волонтеровъ попало множество людей, которые записывались изъ надежды на добычу, а не по истинному увлеченію; во-вторыхъ, волонтеровъ слишкомъ дурно снарядили: за исключеніемъ двухъ баталіоновъ берсальери, у нихъ не было даже и порядочныхъ ружей; наконецъ, самого Гарибальди обязали дѣйствовать не тамъ, гдѣ онъ хотѣлъ, т. е. на берегахъ Далмаціи и Истріи, а въ Тиролю, гдѣ онъ мало зналъ и мѣстность и жителей. Все это было причиною, что волонтеры вообще дѣйствовали слабѣе, чѣмъ предполагалось сначала. Главныя силы ихъ были сосредоточены въ верховьяхъ долины Кіезы, гдѣ находились подъ личнымъ управленіемъ Гарибальди пять бригадъ, каждая въ два полка. Затѣмъ менѣе значительныя отряды были расположены на двухъ другихъ дорогахъ, ведущихъ изъ Ломбардіи въ Тироль, именно черезъ перевалъ Стельвіо и Монте-Тонале.

Съ самаго начала кампаніи, Гарибальди дѣлалъ демонстраціи со стороны Борміо черезъ перевалъ Стельвіо, и даже былъ распушенъ слухъ, что волонтеры намѣрены прорваться въ Тироль, въ долину Инна, и дѣйствовать на Мюнхенъ; но это было говорено единственно для того, чтобы отвлечь вниманіе австрійцевъ отъ верховій Кіезы, гдѣ предполагалось вести главныя дѣйствія, что вовсе не удалось. 25-го іюня Гарибальди атаковалъ австрійцевъ у Богодино и сбилъ ихъ съ одной позиціи; но они заняли другую позицію и отразили всѣ нападенія итальянцевъ. Затѣмъ была возобновлена атака 21-го

іюня (3-го іюля); итальянцы были опять отбиты, и самъ Гарибальди легко раненъ. 10-го числа австрійцы сами атаковали итальянцевъ у Лодроне, тоже въ долинѣ Кіезы, но безуспѣшно. Наконецъ 14-го числа итальянцамъ удалось овладѣть весьма важными позиціями у Боголино и Монте-Суелло, составлявшими ключъ Кіезской долины. Послѣ этого волонтеры предприняли дальнѣйшее наступленіе тремя колоннами; но австрійцамъ удалось остановить ихъ удачнымъ нападеніемъ, 16-го числа, на одну изъ колоннъ, которую они совершенно разстроили. Итальянцы потеряли много убитыми и ранеными и сверхъ того 200 человекъ плѣнными. Самъ Гарибальди едва не попался въ руки австрійцевъ.

Но вслѣдъ за этой неудачей волонтеры успѣли овладѣть, послѣ двадцатичетырехъ-часоваго бомбардированія, фортомъ Амполо 5-го іюля (17-го іюля), что открывало имъ путь къ Ривѣ по берегу Гардскаго озера, хотя путь этотъ былъ не совсѣмъ безопасенъ, такъ какъ его могла обстрѣливать австрійская флотилія.

Ожидая скорого заключенія перемирія, Гарибальди въ послѣдніе дни всячески старался проникнуть возможно дальше по направленію къ Триенту; но всѣ его попытки были уничтожаемы австрійцами, которые неоднократно переходили съ успѣхомъ въ наступленіе. Тѣмъ не менѣе, перемиріе застало и здѣсь итальянцевъ на австрійской территоріи, именно около Симега, въ разстояніи около 18 верстъ отъ Триента.

На другихъ путяхъ, ведущихъ изъ Ломбардіи въ Тироль, происходили также небольшія стычки между волонтерами и австрійцами, неимѣвшія, впрочемъ, никакого особаго значенія.

Не болѣе счастливы были итальянцы и на морѣ. Италія гордилась своимъ флотомъ, ожидали многого отъ командовавшаго имъ адмирала Персано. Но оказалось, что вся хозяйственная часть флота была въ столь плохомъ положеніи, что онъ долго не могъ выйти въ море; наконецъ, какъ говорятъ, противъ желанія Персано, правительство почти приказало, чтобы флотъ заявилъ чѣмъ-нибудь о своемъ существованіи. Вслѣдствіе того онъ наконецъ вышелъ изъ Анконы и сдѣлалъ попытку къ овладѣнію островомъ Лиссою, лежащимъ близъ Далмаціи. Островъ этотъ имѣетъ всего 4,000 жителей, но хорошо укрѣпленъ, такъ какъ представляетъ очень удобную стоянку. 6-го іюля (18-го) итальянская эскадра, состоящая изъ 12 броне-

носныхъ судовъ, на которыхъ было 104 орудія, и изъ нѣсколькихъ винтовыхъ судовъ, бомбардировала Лиссу, а на другой день, когда хотѣла произвести десантъ, то увидѣла приближающійся австрійскій флотъ, съ которымъ и вступила въ бой. Австрійцы имѣли восемь броненосцевъ и нѣсколько паровыхъ судовъ, въ числѣ которыхъ былъ 91-орудійный линейный корабль „Императоръ“; австрійскимъ флотомъ командовалъ контръ-адмиралъ Тегетгофъ, извѣстный какъ рѣшительный и смѣлый морякъ, сражавшійся въ 1864 году съ датскимъ флотомъ.

Подробности этого морскаго сраженія вполнѣ неизвѣстны; но по всему видно, что, противъ ожиданій, оно кончилось въ пользу австрійцевъ. У итальянцевъ потопленъ великолѣпный фрегатъ „Король Италіи“, взорвана со всѣмъ экипажемъ канонирская лодка „Палестро“; остальные суда сильно повреждены и должны были удалиться въ Анкону. Австрійцы также понесли большія потери: линейный корабль „Императоръ“, какъ говорятъ, приведенъ въ совершенную негодность; но, тѣмъ не менѣе, поле сраженія осталось за австрійскимъ флотомъ.

Такимъ образомъ, для итальянцевъ была несчастлива настоящая кампанія; однако она оканчивается для нихъ исполненіемъ давнишнихъ желаній, именно приобрѣтеніемъ Венеціи. Само собою разумѣется, что итальянцамъ нельзя уже и думать теперь о приобрѣтеніи Тироля и Триеста.

Переходя къ военнымъ дѣйствіямъ въ западной Германіи, видимъ и здѣсь успѣхъ на сторонѣ прусаковъ, несмотря на то, что силы ихъ были значительно слабѣе силъ противниковъ.

Въ то время, когда прусаки занимали Ганноверъ и Гессенъ-Кассель, франкфуртское союзное собраніе опредѣлило составить въ южной Германіи противъ нихъ два корпуса: баварскій, подъ начальствомъ престарѣлаго фельдмаршала принца Карла Баварскаго, и 8-й корпусъ союзной арміи, подъ начальствомъ принца Александра Гессенъ-Дармштатскаго. Въ общихъ соображеніяхъ, оба корпуса были подчинены главнокомандующему сѣверною австрійскою арміею, но, какъ увидимъ, дѣйствовали постоянно отдѣльно.

Баварскій корпусъ состоялъ изъ четырехъ дивизій, которыми командовали генералы Гартманъ, Целлеръ, Стефанъ и Фе-

деръ. Въ каждой дивизіи было по 4 двухбаталіонныхъ полка и по 2 стрѣлковыхъ баталіона, по кавалерійскому полку въ четыре эскадрона и по одной батарее; сверхъ того, при корпусѣ была резервная кавалерійская дивизія — 5 полковъ съ двумя батареями и артилерійскій резервъ изъ восьми батарей. Всего баварцевъ было около 55,000, съ 84 орудіями.

8-й корпусъ сформировался изъ контингентовъ Виртемберга, Бадена, Дармштадта, Нассау и остатковъ кассельской арміи; сверхъ того, къ этому корпусу было присоединено 15,000 австрійцевъ. Общая сила корпуса на бумагѣ простиралась до 70,000 человекъ, съ 120 орудіями; но сформированіе его шло чрезвычайно медленно и было необыкновенно затруднено вслѣдствіе самаго разнообразія его состава, по тому онъ могъ принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ очень поздно.

Когда прусаки окружили со всѣхъ сторонъ ганноверцевъ и, наконецъ, послѣ сраженія при Лангензальцѣ, принудили ихъ къ сдачѣ, баварская армія только что сосредоточивалась у Бамберга и колебалась куда ей двинуться: въ Саксонію ли, чтобы выйти въ тылъ прусакамъ, какъ того требовали австрійцы, или же въ Турингію, гдѣ она могла рассчитывать на нѣкоторый успѣхъ противъ прусаковъ, особенно если бы ей удалось соединиться съ войсками 8-го корпуса. Наконецъ баварскій фельдмаршалъ рѣшился на послѣднее, и въ первыхъ числахъ іюля баварцы двинулись на Мейнингенъ и Зуль. Но въ это время прусаки успѣли уже управиться съ ганноверцами и сами были готовы выступить противъ баварцевъ.

Всѣ прусскія войска, дѣйствовавшія въ Ганноверѣ и Касселѣ, образовали такъ называемую майнцскую армію, состоявшую, подѣ начальствомъ генерала Фогеля-фонъ-Фалькенштейна, изъ двухъ частей: корпуса подѣ непосредственною командою этого генерала и особаго отряда генерала фонъ-Мантейфеля. Первый состоялъ изъ двухъ дивизій: генерала Бейера, въ составъ которой входили 19-й, 20-й, 30-й, 32-й, 39-й и 70-й пѣхотные полки, 9-й гусарскій полкъ и 36 орудій, всего около 20,000 человекъ, и дивизіи генерала Гебена — 13-й, 15-й, 53-й и 55-й пѣхотные полки, 8-й гусарскій полкъ, 14-й кирасирскій и 54 орудія, всего до 17,000 человекъ. Отрядъ генерала Мантейфеля былъ изъ одной дивизіи, въ составъ которой входили: 11-й, 25-й, 36-й и 59-й пѣхотные

полки, 4-й гвардейскій полкъ, два баталіона кобургъ-готскіе, одинъ баталіонъ липпе-детмольдтскій, 5-й и 6-й драгунскіе полки и 36 орудій, всего 22,000 человекъ. Кромѣ того, въ резервъ у майнцской арміи имѣлось еще четыре ландверныхъ полка. Всего армія эта насчитывала до 70,000 человекъ, съ 126 орудіями, между тѣмъ какъ противникъ имѣлъ до 125,000 человекъ и болѣе 200 орудій. Но нераспорядительность противниковъ Пруссіи, а съ другой стороны искусство прусскихъ генераловъ и здѣсь доставили полный успѣхъ прусскому оружію.

Узнавъ, что прусаки уже принудили къ сдачѣ ганноверцевъ и, по всей вѣроятности, обратятся теперь на югъ, баварскій фельдмаршалъ вознамѣрился, для общихъ дѣйствій, соединиться съ 8-мъ корпусомъ, и послалъ приглашеніе начальнику его слѣдовать изъ Франкфурта, гдѣ корпусъ этотъ формировался, черезъ Фульду къ Ваху, на соединеніе съ баварцами. Самъ же фельдмаршалъ Карлъ передвинулъ всѣ войска свои влѣво и расположился между рѣками Фульдою и Веррою, имѣя авангардъ свой у Дермбаха и Росдорфа, главные силы въ окрестностяхъ Кальтеннордгейма, а кавалерію на лѣвомъ флангѣ около Гюненфельда, между Герстфельдомъ и Фульдою. Въ этомъ расположеніи баварцы намѣревались выждать присоединенія 8-го корпуса; но прусаки, узнавъ объ ихъ отдѣльномъ расположеніи, рѣшились воспользоваться этимъ и разбить ихъ до прибытія союзниковъ. Это вполне удалось прусакамъ: хотя войска генерала Мантейфеля были еще назади, около Эйзенаха, но генералъ фонъ-Фалькенштейнъ, утромъ 22-го іюня (4-го іюля), атаковалъ баварцевъ съ дивизіями Бейера и Гебена. Пользуясь хорошими позиціями, представляющимися на каждомъ шагѣ между Дермбахомъ и Кальтеннордгеймомъ, баварцы держались очень упорно; но такъ какъ ихъ вводили въ дѣло небольшими частями, то они не могли устоять противъ численнаго превосходства прусаковъ. У баварцевъ въ дѣлѣ участвовали только двѣ дивизіи (3-я и 4-я), и ихъ вводили въ бой побригадно. Надо полагать, что фельдмаршалъ Карлъ берегъ свои войска для болѣе рѣшительныхъ дѣйствій, которыя онъ предполагалъ начать по соединеніи съ восьмымъ корпусомъ. Но, какъ увидимъ, соединенію этому не суждено было осуществиться.

Послѣ шестичасоваго боя баварцы наконецъ отступили, не будучи преслѣдуемы прусаками, которые понесли довольно зна-

чительный уронъ. Потеря баварцевъ была также значительна. Между тѣмъ какъ происходило сраженіе у Дермбаха, баварская кавалерія также имѣла небольшое, но несчастливое дѣло противъ прусаковъ у Гюненфельда и послѣдовала за общимъ отступленіемъ всей баварской арміи.

На слѣдующій день прусаки не рѣшались идти далѣе впередъ, опасаясь быть атакованными и предполагая, что баварцы успѣли соединиться съ 8-мъ корпусомъ, который 5-го числа подходилъ уже къ Фульдѣ. Оказалось, что непріятельскія войска не только не соединились, но даже предприняли отступленіе совершенно въ расходящемся направленіи: баварцы отошли къ Киссингену и заняли позиціи за рѣкою Заале, притокомъ Майна, а 8-й корпусъ отступилъ отъ Фулды снова къ Франкфурту. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ это время обѣ стороны получили уже извѣстіе о кенигсгрецкомъ сраженіи, что должно было придать новое воодушевленіе прусакамъ и еще болѣе увеличить нерѣшительность ихъ противниковъ.

Пользуясь этимъ, генералъ фонъ-Фалькенштейнъ двинулся впередъ, занявъ 24-го іюня (6-го іюля) Фульду и выслалъ передовые отряды къ Брюжену и по направленію къ Франкфурту. Когда же наконецъ дивизія Мантейфеля стала подходить къ верховьямъ рѣки Заале со стороны Мейнингена, то прусаки рѣшились обратиться всѣми силами противъ баварцевъ, чтобы, оттѣснивъ ихъ, съ полною свободою дѣйствовать противъ Франкфурта и прикрывающаго его 8-го корпуса.

И здѣсь баварцы расположились весьма ошибочно: желая охранить все теченіе рѣки Заале, они растянули свои войска между Гаммельбургомъ и Гаузеномъ, имѣя въ центрѣ своего расположенія Киссингенъ, который былъ занятъ нѣсколькими сильнѣе. 29-го іюня (11-го іюля) прусаки произвели демонстраціи на флангахъ баварскаго расположенія у Гаммельбурга и Гаузена, потомъ направили свои главныя силы на Киссингенъ и послѣ упорнаго боя вытѣснили занимавшую этотъ городъ баварскую дивизію. Баварцы пытались было остановить прусаковъ позади Киссингена, на позиціи у Нудлингена, но тщетно, и должны были отступить къ Швейнфурту. Тогда генералъ фонъ-Фалькенштейнъ, поручивъ генералу Мантейфелю слѣдовать за баварцами, обратился самъ съ дивизіями Вейера и Гебена на Ашафенбургъ, гдѣ, по полученнымъ свѣ-

дѣніемъ, сосредоточивался 8-й корпусъ. 1-го іюля (13-го) передовая прусская бригада генерала Врангеля встрѣтила у Лаубаха, въ одномъ переходѣ отъ Ашафенбурга, дармштадтскую дивизію, высланную отъ войскъ 8-го корпуса, и опрокинула ее; на слѣдующій день генералъ фонъ-Фалькенштейнъ атаковалъ самый Ашафенбургъ, защищаемый принцемъ Александромъ Гессенскимъ съ войсками австрійскими, нассаускими и дармштадтскими. Послѣ незначительнаго сопротивленія, союзники были опрокинуты, Ашафенбургъ взятъ штурмомъ, и прусаки овладѣли мостомъ черезъ Майнъ. Войска 8-го корпуса отступили къ югу, оставляя совершенно открытыми для прусаковъ какъ Франкфуртъ, такъ и Дармштадтъ. Оба эти города и были заняты прусаками 16-го (4-го) іюля, т. е. ровно черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ во Франкфуртѣ союзный сеймъ назначилъ эвакуацію противъ Пруссіи. Само собою разумѣется, что сеймъ не оставался во Франкфуртѣ, а еще 14-го числа перѣхалъ въ Баварію, въ Аугсбургъ.

Занявъ Франкфуртъ, прусаки обложили его громадною контрибуціею въ 30,000,000 гульденовъ и сверхъ того назначили сборъ весьма сильной реквизиціи. Сенатъ этого вольнаго города былъ упраздненъ; войска поставлены постоемъ у жителей, которымъ предписывалось даже что именно они должны давать солдатамъ. Такъ было опредѣлено, что офицеры имѣютъ право требовать себѣ: утромъ—кофе съ принадлежностями; въ полдень—супъ, мясо, овощи, жаркое и бутылку вина; послѣ полудня—кофе; вечеромъ—легкій ужинъ, и сверхъ того по 8 хорошихъ сигаръ въ день. Солдаты же должны были получать отъ жителей: утромъ—кофе съ принадлежностями, въ полдень—фунтъ мяса, овощи; хлѣбъ и полбутылки вина, вечеромъ—легкій ужинъ, кружку пива, и 8 сигаръ ежедневно. Столь значительные ноборы были назначены франкфуртцамъ какъ бы въ наказаніе за то, что городъ ихъ былъ постоянно главнымъ средоточіемъ вражды противъ Пруссіи и, какъ говорятъ, даже предлагалъ Австріи въ началѣ войны 30,000,000 безъ процентовъ, на военные расходы противъ Пруссіи. Съ Дармштадта также взято было 6,000,000 контрибуціи, и на жителей возложена обязанность содержать войска.

Съ перваго взгляда на дѣйствія 8-го корпуса союзной арміи, поражаетъ нерѣшительность его дѣйствій. Но иначе и быть не могло: участіе въ настоящей войнѣ 8-го кор-

пуса лучше всего доказываетъ, какъ безсильна была армія Германскаго Союза. Для приведенія этого сборнаго корпуса на военное положеніе нужно было не мало времени; да и то, когда онъ началъ свои дѣйствія, не вполнѣ еще былъ сформированъ, между войсками его не было единодушія, въ некоторыхъ контингентахъ проявлялось прямо сочувствіе къ Пруссіи. Притомъ же корпусъ этотъ имѣлъ слишкомъ много самыхъ разнообразныхъ назначеній. Онъ долженъ былъ стараться соединиться съ баварцами для общихъ дѣйствій противъ прусаковъ, и въ то же время отъ него требовали, чтобы онъ прикрывалъ Франкфуртъ, Майнцъ, дармштадтскія и нассаускія владѣнія, которымъ угрожали прусаки изъ-за рейнской провинціи и изъ Кобленца. Незначительные отряды прусаковъ постоянно показывались съ этой стороны и успѣли даже занять зарейнскую часть Дармштадта, а также Эмсъ, и угрожали Висбадену. Самый Франкфуртъ сначала предположено было защищать, для чего и укрѣплялась уже къ сѣверу отъ него позиція; но потомъ, по просьбѣ франкфуртцевъ, укрѣпленія эти были оставлены, и только тогда уже войска 8-го корпуса могли отойти отъ Франкфурта и получили большую свободу дѣйствій. Но тогда уже было поздно.

Послѣ сраженія при Ашафенбургѣ, баварцы перешли къ Вюрцбургу, чтобы, опираясь на укрѣпленія этого города, остановить дальнѣйшее вторженіе прусаковъ въ Баварію. Но въ это же время съ сѣверо-востока вступилъ уже въ Баварію 2-й резервный корпусъ, великаго герцога мекленбургскаго, и безъ сопротивленія достигъ Бейрута. Занявъ этотъ городъ, великій герцогъ мекленбургскій объявилъ, что именемъ прусскаго короля вступаетъ въ управленіе округомъ. Подъ Вюрцбургомъ также появились прусаки, которые отбѣснили баварцевъ и обложили самый городъ. Въ такомъ положеніи ихъ застало извѣстіе, что, благодаря стараніямъ баварскаго перваго министра, фонъ-деръ-Поордгена, ѣздившаго въ прусскую главную квартиру, Пруссія согласилась заключить перемиріе съ Баварією, не распространяя его, впрочемъ, на ирочія южно-германскія государства. Условія этого перемирія еще неизвѣстны.

Такимъ образомъ, Пруссіи удалось, не только на поляхъ сраженій, но и на дипломатическомъ поприщѣ совершенно разъединить своихъ противниковъ. Теперь ей предстоитъ одолѣть владѣтелей Дармштадта, Нассау, Бадена и Виртембер-

га, которые, конечно, не въ состояніи оказать ей сопротивленія. Государя первыхъ трехъ государствъ, какъ слышно, вступили уже въ сношенія съ пруссаками, и только одинъ Виртембергъ еще не соглашается на примиреніе, единственно потому, что Пруссія выставила ему слишкомъ тяжелыя условія. Надо замѣтить, что когда началась война, то виртемберцы заняли принадлежащій Пруссіи въ южной Германіи участокъ Гогенцоллернскаго княжества и замѣнили тамошнихъ прусскихъ чиновниковъ своими; теперь Пруссія требуетъ, чтобы виртембергское правительство со всею торжественностію возстановило въ Гогенцоллернѣ прежній порядокъ. На это-то условіе и затрудняется согласиться виртембергское правительство. Впрочемъ, по всей вѣроятности, близко уже время, когда Пруссія заключитъ перемирія отдѣльно съ каждымъ изъ южно-германскихъ государствъ а, покаместъ войска ея майнцской арміи, начальство надъ которыми принялъ генераль Мантейфель — такъ какъ генераль фонъ-Фалькенштейнъ назначенъ губернаторомъ Богеміи — продолжаютъ подвигаться впередъ и заняли уже сѣверныя части Виртемберга и Бадена. О войскахъ же 8-го корпуса и о дѣятельности бывшаго союзнаго сейма ничего не слышно. Надо полагать, что и корпусъ и сеймъ окончательно потеряли свое значеніе.

Итакъ, съ небольшимъ въ пять недѣль Пруссіи удалось окончить одну изъ самыхъ блистательныхъ кампаній, въ которой выказалось съ одной стороны все ея могущество, а съ другой — полное безсиліе и совершеннѣйшее разслабленіе Австріи и Германскаго Союза. Кампанія эта не только поучительна собственно въ военномъ отношеніи, но и чрезвычайно богата по своимъ результатамъ, которые отчасти можно уже предвидѣть и которые, по всей вѣроятности, не замедлятъ осуществиться. Относительно военнаго значенія кампаніи очень справедливо замѣчаніе одной англійской газеты, что война эта была борьбою ума и искусства противъ закоснѣлой рутинны и отсталости. Пруссаки, какъ видно, давно готовились къ борьбѣ и какъ нельзя лучше подготовили всѣ средства для обезпеченія себѣ успѣха. Уроки послѣдней американской войны для нихъ не прошли даромъ. Это видно изъ того, какъ искусно они умѣли пользоваться желѣзными дорогами и телеграфами. Вооруженіе ихъ оказалось лучшимъ, чѣмъ

у ихъ противниковъ; вся матеріальная и хозяйственная части были обезпечены какъ образцовой администраціею, такъ и заготовленными запасами. До чего обширны и богаты средства Пруссіи, лучше всего доказывается тѣмъ, что столь большую войну она могла выдержать не сдѣлавъ ни одного займа. Правда, что усиленные реквизиціи и контрибуціи съ занятыхъ ею странъ много способствовали тому. Наконецъ, во главѣ прусскихъ армій стояли военачальники съ блестящими военными дарованіями, пользующіеся полнымъ довѣріемъ своихъ солдатъ.

При такихъ условіяхъ побѣда Пруссіи была обезпечена, и неудивительно, если она достигнетъ выполненія тѣхъ плановъ къ объединенію Германіи, которые были составлены ея первымъ министромъ. Какъ будутъ выполнены эти планы, покажутъ мирные переговоры, которые представляютъ еще не мало трудностей и далеко не могутъ считаться полнымъ обезпеченіемъ спокойствія Европы.

Нельзя не замѣтить, что сами противники Пруссіи много способствовали ея успѣхамъ, какъ своими ошибками, такъ еще болѣе недостаткомъ согласія въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ ихъ распоряженіи были громадныя силы, которыя они умѣли только раздроблять, а не соединять для общей цѣли. Притомъ же силы эти не имѣли достаточной нравственной поддержки; имъ недоставало полной общности интересовъ, одинаковости стремленій, которыми отличались войска Пруссіи и ея союзниковъ. Все это доставило Пруссіи не только побѣду на поляхъ сраженій, но и чрезвычайно важное моральное вліяніе на всю Германію, что должно въ будущемъ значительно облегчить дѣятельность прусскаго правительства въ дѣлѣ преобразованія Германскаго Союза.

Н. ГЛИНОВЦКІЙ.
